

0-762195

На правах рукописи

*С. Васильева*

**Васильева Светлана Петровна**

**Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира**

Специальность 10.02.01. – русский язык

**Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени доктора  
филологических наук**

Тюмень 2006

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики его преподавания  
ГОУ ВПО  
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки РФ,  
академик РАЕН, АГН, АРЭ  
Николай Константинович Фролов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор  
Людия Михайловна Дмитриева

доктор филологических наук, профессор  
Ханиса Чадитова Алишана

доктор филологических наук, профессор  
Татьяна Михайловна Григорьева

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО Пензенский государственный  
педагогический университет

Защита состоится 22 декабря 2006 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного  
совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора  
филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г.  
Тюмень, ул. Семязова, 10.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тюменского государственного  
университета.

Автореферат разослан 20 ноября 2006 г.



Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

*СМБ*

С.М. Белякова

**Общая характеристика работы**

В 1960–80-е гг. описание топонимии осуществлялось в русле системоцентрического подхода: были изучены топонимические системы различных регионов страны (Р.А. Агеева, В.Д. Бондалетов, И.А. Воробьева, В.А. Жучкевич, А.И. Лебедева, А.К.Матвеев, О.Т. Молчанова, В.А. Никонов, З.П. Никулина, Н.В. Подольская, С.А. Полковникова, Е.Н. Полякова, Е.М. Поспелов, А.И. Попов, Г.Я. Симина, Г.П. Смолицкая, А.В. Суперанская, Н.К. Фролов и др.). Как правило, при таком подходе рассматривается вся совокупность топонимических единиц региона, принимается их многоуровневая группировка: по равновидностям географических объектов, по семантическим типам топооснов, по структурным моделям. Выявленные результаты фиксируют общую в качественном отношении картину структурных и семантических типов русских топонимов, принципов их номинации. Региональные различия наблюдаются в количественном отношении, в наборе тех или иных структурных и семантических типов на конкретной территории.

Исследования топонимии Урала, Сибири и Дальнего Востока (О.В. Гордеева (1998), Р.Д. Сунчугашев (1999), Л.В. Шулунова (1995), М.А. Жевлов, Л.П. Матей, Т.Н. Черноразва (2002)), выполненные в этом русле, освещают отмеченный круг проблем, а также являют собой попытки выйти за его рамки. В описании структурно-семантических и функциональных особенностей топонимии достигнуты очевидные успехи, но при этом «за кадром» остаются духовные и творческие интенции номинаторов, выраженные в топонимии, сформировавшейся в разные периоды освоения территорий.

Проблематика ономастических исследований на современном уровне проистекает из специфики функционирования имени собственного в языке и речи и обусловлена многоаспектностью интерпретации формы и содержания онимов. Ряд направлений ономастических исследований выделен Н.В. Подольской: географический, лексикографический, логический, психологический, семиотический, социологический, терминологический, юридический, этнографический.

В ономастике последних десятилетий усилилось внимание к историко-культурному (или культурно-историческому) аспекту имен собственных (Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский), который интерпретируется также как лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Д. Бондалетов), лингвокультурологический (В.П. Нерознак, М.В. Горбаневский и др.), этнолингвистический (Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, А.С. Герд, Н.К. Фролов, Е.Л. Березович и др.), когнитивный (М.Э. Рут, М.В. Голомидова и др.), интегрированный системно-ментальный (Л.М. Дмитриева), исследование региональной топонимической личности (Е.В. Макарова), комплексный с позиций когнитивно-функциональной парадигмы лингвистики (Г.Б. Мадиева). Такой «крен» в движении научной мысли обусловлен некоторым дефицитом объяснительных возможностей системоцентрической парадигмы участия и роли человека, его когнитивных и психических интенций в формировании языка.

Актуальность исследования. С обращением науки к антропоцентрической парадигме знания актуализировался вопрос о «перевode» семантики языкового знака в плоскость этнокультурного знания. На стыке языкознания и исследования мира реальных находится лексическая семантика, реконструируя которую мы «пытаемся восстановить фрагменты мифологии и семантической картины мира» (О.Н.Трубачев, 1981). Приемы семантической реконструкции «древнего, или предшествующего, значения слова», этимология (ЭССЯ) позволяют проникнуть в суть слова (в топонимии – апеллятива) и являются, по мнению В.В. Колесова, основой для анализа языка как основного и главного элемента, способного выразить особенности духовной ментальности. На этом свойстве языка воссоздается картина мира, конструктами которой являются ментальные образы и ментальные концепты. Подчеркивая важность изучения глубинной семантики слова, Р. Якобсон писал: наше слово «всегда несет большее количество информации, чем наше сознание способно извлечь из него...» (Jakobson, 1980). В связи с этим предпочтительным является

обращение к наиболее объективированным единицам этнокультурного знания, которыми являются языковые знаки. По мнению О.Н. Трубачева, имена собственные – знаки двоякие. Знаковая природа языковых единиц, в частности имен собственных, обуславливает обязательное наличие фоновых знаний и символизма в структуре их значения. Фоновая семантика имени включает несколько блоков информации, связанной с историей, национальными и культурными особенностями этноса. При этом неизбежно обращение к информации, выработанной коллективным сознанием, актуализация когнитивного аспекта, который понимается как адаптивная и регулятивная деятельность по переработке информации, осуществляемая человеком. Применительно к лингвистике это выражено так: «Язык – действительно одно из средств когнитивной деятельности. Но это такое средство, которое, будучи детерминировано культурно-исторически, позволяет конструировать культурно и социально релевантные модели, позволяет их коммуницирование и использование в целях управления – как своей деятельностью, так и деятельностью других. Указанные виды деятельности сопряжены с осознанием, которое и не может возникнуть иначе, как на пересечении когнитивных и языковых структур» (Касевич, 1989).

Степень изученности топонимикона данного региона остается довольно низкой, хотя топонимия Приенисейской Сибири нашла свое отражение в ряде словарей (М.Н. Мельхеева, В.Я. Бугаева, Ю.Р. Кисловского), «Словаре топонимов и микротопонимов Красноярского края» (под ред. С.П. Васильевой), а также в статьях К.П. Михалап, В.И. Петровичко, С.П. Васильевой, В.М. Мальцевой и др. В диссертационных исследованиях М.А. Жельова [Желов 1984], Р.Д. Сунчугашева [Сунчугашев 1999] освещена топонимия Хакасия, В.М. Мальцевой – юга Красноярского края [Мальцева 1995]. Вместе с тем системного научного лингвистического описания топонимии Приенисейской Сибири не проводилось.

Все аспекты изучения имени собственного, как знака с его значением, пересекаются, и точкой их пересечения оказывается картина мира (ментальность), сквозь призму которой рассматривается имитаторская когнитивная деятельность человека. В реферируемой работе предпринята попытка анализа топонимии Приенисейской Сибири в когнитивном аспекте, с позиций антропоцентризма.

Объектом данного исследования являлась картина мира, реконструируемая по данным топонимии Приенисейской Сибири. Предметом исследования послужил топонимикон данной территории.

Научная новизна исследования заключается в подходе к топониму не только как к единице языка, но и как к ментальной единице. Основываясь на понимании отражательной природы слова вообще и собственных имен в частности, принимаем во внимание знаковую природу топонима, в исследовании выявляется комплекс стереотипов восприятия пространства, пространствообразующей роли реки, отношения человека к категориям пространства в языковом (топонимическом) сознании жителей территории Приенисейской Сибири, ранее не исследованной в системном плане. В описаниях топонимических систем впервые применяется метод реконструкции картины мира путём структурирования ментальных образов, даётся определение ментального образа 1) как структуры сознания, сформированной в результате чувственно-эмпирического, психического и когнитивного опыта человека, запечатлённого и выраженного в топонимических единицах; 2) как структуры представления знания: это объёмная промежуточная структура между языком и сознанием, основанная на онтологической сущности топонима как словесного знака, существующего для обозначения объектов реальной действительности, его гносеологических (топоним – это знак + значение и смысл) и эпистемологических (отражающих отношение между объектом и представлением об объекте) свойств.

Теоретическая значимость исследования. Представленное исследование является интегрированным изучением лингвистического и экстралингвистического содержания топонимикона, реализованном в следующей логике анализа: от выделения идеографических полей, отражающих понятийную сторону воспринимающего сознания – к

семантическому полю, представляющему уровень языкового значения, внутри которого выделяются номинативные и семантические модели и их разновидности, выявленные в результате семантико-ономазиологического анализа конкретных топонимов. Основной структурой, представляющей собой переход между языком (топонимиконом) и сознанием (картиной мира) является ментальный образ, представляющий собой сложную единицу ментального уровня, структурированную на основе апперцепции и обобщения впечатлений человека от объектов реальной действительности, выраженных в топонимах и типизированных в номинативных и семантических моделях. Интеграция лингвистического, когнитивного, этнокультурного подходов к изучению топонима открывает новые возможности извлечения ментальной информации и значительно повышает гносеологические возможности исследований такого плана.

**Практическая значимость исследования.** Материалы и выводы исследования могут быть применены в нескольких направлениях: 1) в изучении топонимических систем других регионов, в плане методики и в качестве сопоставительного материала; 2) в когнитивном аспекте – в изучении ментальных представлений и стереотипов о пространстве в широком смысле и конкретно – о восприятии типов географических объектов; 3) в лексикографическом плане – для составления топонимических словарей нового типа (идеографических, когнитивных, этнокультурных и т.д.); 4) в преподавании вузовских дисциплин, курсов по выбору – в качестве регионального компонента.

Целью предлагаемого исследования является выявление ментальных стереотипов восприятия и осмысления реалий, заключенных в топонимии Приенисейской Сибири, через реконструкцию картины мира, на основе структурирования ментальных образов Человека, Пространства, Реки.

В связи с этим актуализируются следующие задачи:

- 1) структурировать ментальные образы Человека, Пространства, Реки;
- 2) выделить для этого понятийные (идеографические) поля, представляющие собой сферу понятийного содержания, детерминированного логикой предметного мира и логикой человеческого мышления;
- 3) установить состав и описать структуру семантических полей, в том числе входящих в них лексико-семантических групп, отражающих фрагменты действительности;
- 4) на основе семантического и ономазиологического анализа топонимов определить набор номинативных моделей, выявить понятийные и чувственно-эмпирические элементы знания о действительности, заключенные в названиях;
- 5) соотнести номинативные топонимические модели и модели параметризации действительности;
- 6) выявить ассоциативные связи семантических полей, возникающие на их пересечении.

**Положения, выносимые на защиту.**

1. Топонимия Приенисейской Сибири представляет собой систему, отражающую результаты освоения территории путём внешних и внутренних миграций населения из разных областей России и ближнего зарубежья, языковые черты переселенцев разных территорий, сложившуюся в условиях сурового сибирского климата, дикой природы, отдалённости от административных и культурных центров, на огромной территории, равновеликой половине европейской части страны.
2. Топонимическая система Приенисейской Сибири является довольно «молодой» (XVII – XXI вв.), представляющей собой набор семантических полей, соответствующих общерусской модели, по которой складывались топонимические системы других территорий с русскоязычным населением.
3. В топонимической системе Приенисейской Сибири отражены общие и особенные ментальные представления о пространстве, реке, человеке, присущие русской ментальности, которые могут быть представлены в виде ментальных образов, отражающих специфические ментальные стереотипы восприятия действительности жителей территории Приенисейской Сибири.

4. Ментальный образ, избранный в качестве основной единицы для реконструкции топонимической картины мира сибиряков-приенисейцев, представляет собой сложную единицу ментального уровня, структурированную идеографическими полями, сформированными на основе аперцепции и обобщения впечатлений человека от объектов реальной действительности, выраженных в топонимах и типизированных в номинативных и семантических моделях.
5. В рамках ментальных образов параметризация действительности представлена идеографическими полями, языковое топонимическое сознание реализовано в семантических и номинативных стереотипизированных моделях, которые взаимодействуют между собой и соотносятся с моделями параметризации действительности.
6. Специфика восприятий и представлений приенисейских сибиряков о пространстве, реке, человеке, отраженная в топонимии, обусловлена местными геополитическими, природными и ландшафтными условиями этого края, историей заселения и деятельностью по его освоению и развитию, отличающими топонимикон данной территории от других.
7. На основе топонимии структурируется ментальный образ человека, отражающий основные перцептивные, духовные и аксиологические представления и понятия, связанные с освоением и использованием пространства вообще и топообъектов в частности. Специфические черты реализованы в топонимии в семантических полях: *национальность, духовная жизнь, действия, оценочность, память, свой – чужой*.
8. Ментальный образ деревенского пространства как части географического пространства, выраженный в топонимии, сохраняет архаичные черты (концентричность) и дополняется векторными (центробежный и центростремительный), линейными, присущими более поздним способам организации околосельского пространства. На ранних этапах формирования деревенского пространства в условиях отдаленности от обжитых центров, в глухой тайге, возникает топонимическая система деревни, основной пространственный параметр которой *дальний – ближний*.
9. На основе гидронимии и частично топонимии структурируется ментальный образ реки, отражающий важную пространствообразующую и жизнеобеспечивающую роль основного гидрообъекта Восточной Сибири – Енисея и других рек и речек. Специфические черты ментального образа реки выражены в топонимии таких идеографических полей, как: *хозяйственное использование, растительность*.

**Методы изучения материала.** Избранный аспект изучения топонимикона определяет круг применяемых методов и способов извлечения необходимой информации. Наиболее целесообразным методом извлечения знания о языковом мышлении и речевореческой деятельности человека является реконструкция картины мира, которая осуществляется в нашей работе на основе моделирования ментальных образов по данным народной топонимии Приенисейской Сибири посредством семантического и ономастического анализа топонимов, объединенных в идеографические и семантические поля, что позволяет оперировать знанием на уровне значения и понятия. Моделирование КМ позволяет разрешить вопрос о том, как язык (топонимия) отражает стереотипы восприятия и осмысления действительности, как язык при этом организует и упорядочивает членение и восприятие мира.

В анализе топонимов используются приемы этимологического анализа, сравнительно-исторического, сопоставительного, идеографического, метода семантических оппозиций, контекстного анализа речи в говорах Приенисейской Сибири.

**Материалы исследования.** Исследовательская база представлена собственной картотекой автора, сформированной методом полевых сборов, извлечений из архивных документов (переписные и регистрационные книги) Государственного архива Красноярского края (XVIII – XIX вв.), Памятных книжек Енисейской губернии, карт

Енисейской губернии и Красноярского края разных лет, из опубликованных исторических документов по освоению Сибири и исторических исследований. Использована также картотека микропонимов К.П. Михалач (70-е – 80-е гг. XX в.), хранящаяся в Региональном лингвистическом центре факультета русского языка и литературы КГПУ им. В.П. Астафьева.

Общее число топонимических единиц, учтённых при исследовании, составляет около 16000.

Под «русской» топонимией в нашей работе понимаются русские по происхождению географические названия, мотивированные семантически или структурно, отражающие национальное топонимическое сознание.

Исследованная территория – бассейн Енисея, в географическом отношении охватывает Восточную Сибирь, в административном – Красноярский край, включающий территории русского заселения Крайнего Севера и Хакасии.

**Апробация результатов исследования.** Апробация основных положений и результатов работы проведена на ряде конференций разного уровня с публикацией материалов (Красноярск, Тюмень, Санкт-Петербург, Москва, Киев, Луганск, Барнаул), в сборниках списка ВАК. По теме диссертации опубликовано 40 работ общим объёмом 43,3 усл. п.л.

**Структура и объём работы.** Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографического списка, списка сокращений, приложения «Идеографический топонимический словарь». Общий объём работы составляет 327 страниц.

**Содержание диссертации.** Во введении обосновывается актуальность темы исследования, состояние её научной разработанности, степень изученности материала, обозначаются цель и задачи работы, выделяются предмет, объект и методы исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

#### **Глава 1. Антропоцентрические принципы и методы изучения картины мира**

Идеи В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни побудили лингвистов XX в. к созданию антропологической лингвистики, которая предполагает создание единой теории языка и человека, основанной на следующих принципах: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить её можно, лишь исходя из человека и его мира.

«При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом заведомо предполагается, что человек отражает эту действительность правильно и так же правильно эта действительность выражается в языке» (Серебренников, 1988). В действительности все значительно сложнее. Восприятие и отражение зависят от многих субъективных и объективных причин. Так, Г.В. Колшанский исходит из того положения, что существует два мира, первичный и вторичный – объективный и субъективный. Вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека. «Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной модальности мира» (Колшанский, 1990).

Мировидение имеет две базисные функции – интерпретативную и регулятивную. Эти же функции выполняет и картина мира, способствуя тесной связи и единству знания и поведения людей в обществе. Она подкрепляет это единство тенденцией к унификации плюралистических образов реальности, стремлением к монистическому видению действительности (Постовалова, 1988).

Картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет

его отношение к жизненному пространству. Модель мира служит «программой поведения для личности и коллектива», определяя набор операций, применяемых человеком для воздействия на мир, правила их использования в деятельности и их мотивировку (Иванов, Топоров, 1965). Составляя основание человеческого знания, поведения, типа хозяйствования, образа жизни человека, картина мира способствует тому, чтобы эти элементы человеческой жизнедеятельности были организованы единообразно, в едином стиле, в котором находит своё отражение единство миропонимания человека и жизненного устройства, соответствующего этому миропониманию.

Всё экзистенциальное богатство форм картины мира заключается между двумя полосоми: необъективированные формы бытия идеального, к которому относится и картина мира как глобальный субъективный образ объективного мира, зарождаются и существуют в сознании человека и в более глубинных слоях его психики, скрытых от его самонаблюдения. Представление об окружающей действительности существует в сознании в виде: 1) бытийной или научной общей модели мира; 2) субъективного представления о мире; 3) объективированной с помощью языка картины мира.

ЯКМ строится на том, что язык в целом и лексика в особенности представляют собой основную форму объективации языкового сознания многих поколений людей – носителей того или другого (конкретного) языка. Язык – основной и главный элемент, способный выразить особенности народной ментальности (Колесов 2004).

Реконструкция ЯКМ составляет одну из важных задач современной лингвистической семантики. Понятие ЯКМ, основанное на идеях В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера и сторонников американской этнолингвистики Э. Сепира и Б. Уорфа, разрабатывается в современной русистике в нескольких направлениях. Так, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Рахилина, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др. занимаются воссозданием русской ЯКМ на основании комплексного анализа лингвистических концептов русского языка в межкультурной перспективе. Примером исследований универсалистского направления в когнитивно ориентированной этнолингвистике являются работы А. Вежбицкой, посвященные поискам «семантических примитивов» – универсальных элементарных понятий, для которых в каждом языке найдется свое слово, отражающее специфику той или иной культуры. В.В. Колесов и его последователи оперируют понятием ментальности, определяемой как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Колесов, 2004). По мнению В.В. Колесова, рассудок, чувство и воля, взятые в совокупности, создают «народный темперамент». Народы Западной Европы понимают менталитет как рассудок и мысль в русле *ratio* и в своих языках закрепили исконный смысл античного концепта, еще не обогащенного христианскими сознаниями. У народов Восточной Европы более важными ценностями являются не трезвый рассудок, а совесть и духовность. В.В. Колесов выделяет три основных подхода к пониманию русской духовности (ментальности): структурно-информационный, который реализуется в ее интерпретациях и оценках; информационно-энергетический, основанный на признании «энергичности» жизни духа, который в терминологии разных исследователей назван по-разному: ноосфера (В.И. Вернадский), пассионарность (Л.Н. Гумилев), пневмосфера (П.А. Флоренский), концептосфера (Д.С. Ляхачев) и т.д.; объективно-идеалистический, который предполагает энергичность божественной благодати, освещающей все сущее (идея Фаворского света у Н. Лосского и С. Франка). «Двуединство духовной сущности менталитета и разумной сущности духовности можно назвать ментальностью... Так в объемности трехмерного мира, в котором мы живем, мы ищем следы четвертого измерения, скрытой от наших чувств и понятий меры: концептов национальной ментальности» (Колесов, 2004).

Основной единицей языка является слово, основной единицей картины мира – концепт. Семантическое наполнение термина концепт, в силу его многоплановости, в работах разных авторов различно, неоднозначно также понимание его соотношения с терминами

слово, знак, значение, понятие. Традиционная лингвистика в качестве объекта рассматривает «лингвистические структуры», и интерпретирующей моделью в этой системе является значение. Этим вопросам посвящены работы Б.А. Серебrenникова, Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, А.А. Уфимцевой, Б.И. Осипова, Ю.В. Фоменко и др.

Изучение ментальных структур невозможно без интеграции подходов к изучению слова и его значения. «В своем языке человек удаляется от действительности в сторону созданной им самим условной реальности, которая называется культурой» (Колесов 2004). С гносеологических позиций слово – это средство познания, т.е. это знак плюс его значение и смысл. Со стороны «идеи», рассуждая эпистемологически, слово можно представить как движение его смыслов в содержательных его формах «образа – понятия – символа». Теория концепта в XXI в. – это не только поиск однозначного определения, а разведение понятий «когнитивный концепт», «психолингвистический концепт», «лингвокультурный концепт» (Карасик, Слышкин, 2003). На практике часто области когнитивной лингвистики и психолингвистики пересекаются, отечественные лингвисты все чаще и чаще включают в объектную область функционирования человеческого менталитета. В современном отечественном языкознании складывается практика исследования концепта как интегративной модели исследования речевой деятельности. Таким образом, постижение сознания (ментальности) путем моделирования картины мира означает: 1) отказ от созерцательности и переход к деятельностному пониманию процесса познания, основанного на онтологических аспектах науки и являющегося необходимым элементом гносеологии; 2) в трактовке картины мира подчеркивается «энергетическое» понимание, континуальность и текучесть образов снятой реальности.

Обозначенные нами проблемы современной антропоцентрической лингвистики во всех отношениях затрагивают специфический, хотя и называемый периферийным, класс ономастической лексики. Начнем наши рассуждения об имени собственном с не оспариваемых никем тезисов: 1) собственные имена выделяют, индивидуализируют предметы, нарицательные – обобщают; 2) «...имена собственные – это особые языковые знаки, образующие новую знаковую систему для тех же предметов из реального мира вещей, для которых создаются и обычные языковые знаки – имена нарицательные. Связь этих особых знаков с понятиями породивших их апеллятивов стремится к нулю, а с понятиями именуемых объектов – опосредована через предмет. Связь же их с самими предметами значительно сильнее, чем у знаков обычных» (Суперанская, 1973). Однако, отмечая связь имен собственных с предметом, многие исследователи не учитывают связи с исторической и этнокультурной сферой возникновения и бытования имени собственного. Так, по мнению О.Н. Трубачева, именам собственным присуща знаковость даже в большей степени, чем нарицательным, так как они в большей степени связаны с культурным контекстом, чем нарицательные (Трубачев 1978).

Онтологическая сущность топонима как словесного знака определяется обозначением реальных объектов действительности на основе апперцепции. Гносеологический (познавательный) аспект топонима обусловлен высоким уровнем его информативности (знак + его значение и смысл). Эпистемологическая сущность топонима (со стороны сознания) заключается в отношениях объекта и представления об объекте (идеи), при этом представления об объекте, заключенные в топониме, обогащаются идеей, заключенной в географическом термине, непрерывном элементе идеи топонимического объекта (а иногда и его составной части). Представления отдельного человека об объекте формируют субъективный образ, представления человеческого коллектива (этноса), выраженные в языке (топонимии), формируют объективированный образ предмета.

Наиболее целесообразным методом извлечения знания о языковом мышлении и речевой деятельности человека является реконструкция картины мира, которая осуществляется в нашей работе на основе моделирования ментальных образов по данным народной топонимии Приенисейской Сибири. Моделирование КМ позволяет разрешить

вопрос о том, как язык (топонимия) отражает стереотипы восприятия и осмысления действительности, как язык при этом организует и упорядочивает членение и восприятие мира. На этом пути предпочтительно опираться на теорию номинатива, т.к. она ориентирована в ономастологическом плане и рассматривает преимущественно, как объекты получают свои названия, т.е. из трех изучаемых в данном случае сущностей: действительность, сознание и язык – учены будут все.

Как и любое другое слово лексической системы языка, топоним имеет знаковую природу. Его отличие от апеллиатива заключается в его вторичности. Это свойство вторичности понимается: 1) в предметном и ономастологическом плане – как обозначение предмета, уже имеющего знак, следовательно, объекты, носящие имена собственные, имеют двойное означивание; 2) в семантическом плане имя собственное – это всегда производная единица, имеющая базовый апеллиатив (возможно, производный).

Топонимические единицы обладают набором грамматических категорий, важнейшая из которых – конкретность. Именно конкретная лексика составляет ядро лексикона. «Полнозначные словесные знаки, ядерные в том числе, потому и называются характеризующими, что репрезентируют предметы, явления внешнего и внутреннего мира человека как по свойствам, воспринимаемым чувствами (визуально, тактильно и т.п.), по денотату, так и по их внутренним характеристикам, отображаемым мысленно, по сигнификату» (Уфимцева, 1988). Предметные имена, относящиеся к ядру лексикона, обладают двухчастным характером предметно-вещественного значения, включающим как денотативный, так и сигнификативный компоненты значения. Топонимы как конкретные единицы лексики имеют аналогичные свойства, но они теснее, чем нарицательные имена, связаны с предметным миром, они относятся к периферийной части лексикона, но в силу своей вторичности, производности, имеют весьма сильную связь со словами ядерной группы по производящей базе, по внутренней форме. К топонимам применим общий принцип анализа лексики: «Базой анализа лексики производной становится анализ лексики примарной – этой первоосновы вторичного обозначения» (Кубрякова, 1988).

Важнейшим признаком, конституирующим языковую картину мира лексическими средствами, являются различные парадигматические группировки слов, называемые недифференцированно «семантическими полями». Принцип поля может быть применен к анализу топонимов как лексических единиц. «Структурирование ономастического поля, выявление его системных параметров и является этой генеральной типологией, на основании которой можно построить частные описания ономастических категорий и парадигм» (Супрун, 2000).

В практике современных топонимических исследований известны работы, выполненные в русле этнолингвистического подхода (Е.Л. Березович), когнитивного подхода (М.Э. Рут, М.В. Голомидова), интегративного, онтологического и ментального (Л.М. Дмитриева)

Для изучения своеобразия ментальных представлений сибиряка нами применена последовательность анализа: топоним → номинативная модель → семантическое поле → идеографическое поле → ментальный образ → картина мира.

Моделируя топонимическую картину мира через ментальные образы, нужно иметь в виду в методологическом плане следующее: 1) анализ должен быть направлен на обнаружение точек сопряжения языковой (топонимической) и концептуальной (ментальных образов) моделей мира; 2) в поиске «горячих» точек не следует подменять одну модель другой, но разграничивать единицы разных систем: понятие и значение, слово и концепт (ментальный образ); 3) для того чтобы результаты не подвергались сомнению, материал должен быть объективирован и верифицирован невербальными средствами. Объективированность народной топонимии обусловлена социальным характером этих знаков, их связью с культурно-историческими фоновыми знаниями, содержанием внерационального, чувственно-эмпирического знания.

Единицей моделирования картины мира Приенисейской Сибири в нашем случае избран ментальный образ как структура сознания, сформированная в результате чувственно-

эмпирического, психического опыта человека, запечатлённого и сохранённого в топонимических единицах. Обращение к ментальному образу как единице репрезентации знаний о мире (картине мира) является результатом поиска адекватной формы для перехода с семантического уровня (значение топонима) на уровень мышления (картина мира).

Разрабатывая версию промежуточных структур, необходимо учитывать, что слово связано с двумя системами: знания и значения. Слово (носитель значения) трактуется как средство доступа к информационному тезаурусу. Лингвисту, имеющему дело со значением, придется расширять значение слова, включая исторический, социальный, мотивный элемент. Границы семантики слова растягиваются, и нет возможности отделить значение от знания о мире, соотносимого с языковым знаком. Для извлечения знаний о мире в структуре ментального образа мы обращаемся к рассмотрению не отдельных единиц, а целых комплексов, семантических и идеографических (понятийных) полей.

Глава 2. Ментальный образ *Человека* посвящена моделированию образа *человека* на основе извлечения информации из топонимии Приенисейской Сибири.

Топонимия не относится к тем сферам знания о человеке, которые могут хранить исчерпывающую информацию о нем, его переживаниях, мыслях, представлениях и действиях. Однако топонимия является носителем территориально маркированной информации о человеке, которая в развернутом виде может содержаться только в архивных документах, исторических текстах, которая может быть верифицирована с опорой на эти тексты. Научное знание, полученное из различных источников, приобретает особую ценность.

В реферируемой работе образ человека представлен идеографическими полями:

*гендерные отношения (образ мужчины, образ женщины); родственные, национальные и социальные отношения; духовный мир (святое (чистое) место, чертово (нечистое) место); действия (ситуативные названия); оценочность; образное восприятие (антропоморфная образность, зооморфная образность, предметы быта); восприятие времени; своё – чужое; память; число и порядок.*

Гендерный аспект в лингвистике рассматривался на различном материале под разным углом зрения. В.А. Маслова выделяет три направления исследований: 1) социальная природа мужских и женских языков; 2) особенности речевого поведения; 3) когнитивный аспект различий (Маслова, 2001). «Женский» язык считается маркированным, а мужской – соответствующим литературной норме. Для русской ментальности характерно стилевое «двоение» женского образа на бабу и женщину, при этом «неверно лишь утверждение, что только баба является «идеотнической характеристикой», а женщина якобы перевод или калька. Женщина – именно идеальная сущность бабы, концепт формируется в XVI в. в полном соответствии всем прочим «двоениям» смыслов (правда – истина, честь – совесть и пр.)» (Колесов, 2004). В лингвокультурологии были предприняты попытки описать ментальный образ женщины по данным паремий (Телия 1996; Кирилина 1997; Шишлитина 2003), в психолингвистике – описать гендерные особенности поведения (Горошко, 2003). В топонимии попытка пронаблюдать реализацию обобщенных образов мужчины и женщины предпринята Е.Л. Березович. Ею отмечена довольно яркая прорисовка образа женщины (бабы) в структуре географического пространства с его анатомическими деталями.

*Образ мужчины* в топонимии Приенисейской Сибири представлен прежде всего антропонимическими топонимами, несущими информацию о людях – активных субъектах, осваивающих и преобразующих пространство, «встраивающихся» в него. Присвоить объекту имя человека – значило продемонстрировать «свое», отметить пребывание на данной территории. Антропонимические основы в русской топонимии Приенисейской Сибири составляют большую часть по сравнению с другими топоосновами.

Этот факт свидетельствует, во-первых, о времени освоения Приенисейской Сибири (с XVII в.), во-вторых, о социальной и геополитической обстановке освоения новых земель. В Енисейской губернии участки распределялись в индивидуальное пользование. Об этом можно судить по документам, в частности, Окладной книге Енисейской губернии, где делались записи о распределении земель, получаемых во временное пользование за плату.

Географические названия антропонимического происхождения составляют большую часть топонимикона Приенисейской Сибири. Это обусловлено главной целью миграции крестьянства и служилых людей в Сибирь – получить землю. С этим связывались легенды о «беловоде», т.е. свободных землях. В трудных условиях, шаг за шагом осваивались необятные пространства, и первый мотив номинации – дать свое имя месту, «присвоить» его. Поскольку освоение Приенисейских земель шло с севера, в названиях северных рек отмечаются комплексы антропонимических названий, свидетельствующие о связи с тем или иным человеком, например: Данилков, руч., Михайловка, руч. – притоки р. Яковлевка (Тас.) и другие.

В названиях географических реалий зафиксировано множество имен и фамилий. В данном разделе рассматриваются названия объектов от личных имен, представленные в наших материалах рядом номинативных моделей.

Посессивы от православных полных мужских имен: Емельян – Емельяново, оз. (Уж.); Захар – Захарово поле (Бир.); Исай – Исаев, руч. (Уж.); Исаев, руч. (Уж.); Иван – Ивановка, д. (Сух.); Кирилл – Кириллов, руч. (Тас.); Аверьян – Аверина, р., л. пр. Ен.; Ларион – Ларионов, руч. басс. Ен.; Михайл – Михайловка, руч.; Михайл – Михеева, р., пр. р. Воры (Тур.); Николай – Николаева пасека (Бир.); Петр – Петровка, р., пр. р. Сургутиха (Тур.); Савелий – Савельевка, р. басс. Ен.; Сава – Савинская, р. басс. Ен.; Савинский, пережат на Ен. бл. устья р. Савинской; Савинский, о-в на Ен. бл. устья Савинской; Сергей – Сергеево, д.; Сидор – Сидоров, руч., л. пр. Усолки (Тас.); Симон – Симоновский, затон на Ен.; Степан – Степанов, руч., пр. р. Усолки (Тас.), Степанова речка (Бог.); Тарас – Тарасова гора (Бир.); Ульян – Ульяновское, оз. близ п. Емельяново; Федор – Фёдоров, руч., п. пр. Ен.; Фирс – Фирсова, р., пр. Ен.; Яков – Яковлевка (Тас.); Назар – Назарово, д. бывш. (Бир.); Никита – Никитина, р., пр. р. Дубчес (Тур.).

Посессивы от уменьшительных, неполных мужских имен: Андреяшка – Андреяшкина, речка (Ш.); Афонька – Афонькина забока (Аб.); Вася – Васин, руч. (Абан.); Ганька – Ганькины поля (Бир.); Данилка – Данилков, руч., пр. р. Яковлевка (Тас.); Иванец – Иванцов Крест, пересек. дорог (Б.-У.); Иванушка – Иванушкин, руч. (Богуч.); Игнашка – Игнашкина мельница на р. Есауловка (Ем.); Костя – Большой Костинский, о-в на Ен.; Кирилка – Кирилкина, р. (Тур.); Кирюшка – Кирюшка, р. (Бог.); Колян – Колянов покос (Бир.); Лаврик – Лавриковы бугры, возв. (Бог.); Мишка – Мишкина пасека (Бир.); Никишка – Никишкина мельница, покос (Бир.); Парфей – Парфеев перекоп (Аб.); Петя – Петины поля (Бог.); Петрак – Петраково поле (Бир.); Сенька – Сенькина, р., пр. Ен. бл. д. Татарск (Тур.); Сенька – Большой Сенькин, руч., пр. р. Караульная; Степаха – Степаха, р., л. пр. Ен.; Тасей – Тасеева, р., л. пр. Ангары, по имени местного князя Тасея.

Посессив от имени и отчества: Захар Павлыча, лог (Захар Павлыча конь растрепал); Петропавловская ГЭС, озеро и водостводная труба (ирон., по имени управляющего Лукьянова Петра Павловича).

Посессив от семейного прозвища: Порфирий – Поршата – Поршачья мельница.

Перенос семейных прозвищ: Давлетов – Давлята, поле; Капрал – Капралята, п. у. Прозвища на -ата, -ята, образованные от фамилии, имени или прозвища главы семьи, обозначали членов семьи, чаще всего детей: Давлетов → семейное прозвище Давлята → поле Давлята (Дз.); Капрал → семейное прозвище Капралята → переселенческий участок Капралята (Кан.).

В представленных номинативных топонимических моделях отражен семейный способ владения землей и ведения домашнего хозяйства.

*Образ женщины* представлен номинативными моделями от личных женских имен.

Перенос личного женского имени на объект: Солоха, р. – на этой реке жила Солоха; Ирина, ур. (Тур.) – в этом урочище погибла молодая женщина Ирина. В основе номинации лежит пропозиция, ситуация, легенда, иногда утраченная либо подкорректированная со временем.

Перенос прозвищного женского имени на -ихя: Аксютиха, покос (Бир.) – здесь косила Аксютиха; Папшиха, прот. Чульма – по имени удачливой рыбачки Паши.

Образование ойконимов от личных женских имен на -ник(а), -овк(а), -евк(а): Варваринка, ост. п. (Богот.); Ларисовка, д. несущ. (Коз.); Марьевка, д. (Уяр.); Татьянаовка, д. (Сух.).

Посессивы от личных женских имен: Маринкино, с. (Кураг.); Марфина гора, покос (Богот.); Марьин, руч., л. пр. Ен.; Матрёнинский, о-в, пережат на Ен.; Ольгино, с. (Уяр.); Ольгино, оз. (Уяр.); Ольгино, д.; Таскино, с. (Ем.); Ховрино, д. (Коз.).

Основной мотив мужских посессивных топонимов – обозначение «своих» земель и угодий, форма посессива для женских топонимов носит условный характер, например: Грушечий лог – есть два варианта объяснения: 1) Грушу нашли повешенной в этом логу (Бал.); 2) стояла пасека Груши. Второе является более обыденным, первое носит характер легенды, связывающей название с трагическим событием. Степень достоверности того и другого примерно равна. Женские посессивы в ойконимии объясняются каким-либо необычным событием, связанным с личностью женщины, либо особой социальной ролью женщины в семье, а иногда и в деревне по причине потери мужа, то есть когда женщина становится главой семьи.

Матронимический посессив: Ховричево, поле (Коз.). Матроним на -ич мог принадлежать сыну вдовы, т.е. мать оказывалась главой семьи, что и фиксирует матронимическое прозвище.

Женские прозвищные топонимы, образованные от мужских имен и фамилий. В русской ономастике суффикс -иха является продуктивным в группах женских прозвищ и гидронимов. В номинациях на -иха грамматический род названий объектов и женский отфамильный или прозвищный антропоним совпадают – это необходимое условие: Ангутиха, р., пр. р. Турухан; Амосиха, курья, прот. Ен. (Тур.); Бакланиха, р. (Тур.); Бараниха, р., п. пр. Ен.; Большая Фатьяниха, р., пр. р. Фатьяниха (Тур.); Генералиха, гора (Уж.); Борисиха, р., п. пр. Ен. (Борисовка); Глотиха, р., пр. Ен.; Горошиха, д. (Тур.); Гусиха, оз. (Бир.); Данилиха, р., оз. басс. Ен.; Денисиха, р., пр. Ен. (Каз.); Жербажиха, д. (Кураг.); Журавлиха, ж.-д. ст. (Богот.); Калобариха, прот. Ен. (с. Частые); Карасиха, р., пр. Ен.; Карабариха, р.; Киселиха, р., п. пр. Ен.; Кббьячиха, оз. (Бир.); Мангутиха, р., пр.

Ен. (Тур.); Мироедиха, р., пр. Ен.; Пакулиха, р., л. пр. Ен. (Тур.); Поташиха, р., пр. Ен.; Пучеглазиха, р. басс. сред. Ен.; Платониха, дорога в д. Петровка (Дз.); Потапиha, мельница; Соколиха, дорога в д. Петровка (Дз.); Сарафаниха, р., пр. Ен. (Тур.); Сарчиха, р., л. пр. Ен. бл. п. Бахта (Тур.); Селиваниха, р., пр. Ен. (Тур.); Селивановская, коса на Ен. (Тур.); Соколовка, р., пр. р. Таёжной (Богот.); Сумарочиха, р., пр. Ен. бл. д. Сумароково; Сургутиха, д., р., п. пр. Ен.; Сухариха, д., р., пр. Ен.; Тюмениха, р., л. пр. Ен.; Фатьяниха, р., пр. Ен. (Тур.); Ферисиха, р., пр. Ен. (Тур.); Шадрыниха, р., пр. Ен.; Шурниха, р., пр. р. Дубчес (Тур.).

Метонимический перенос названий с суффиксом -иха на объекты, обозначенные терминами мужского и среднего рода: Андрониха, поле (Бал.); Гордеиха, поле, руч. (Б.-М.); Гусиха, хр. на водоразделе рр. Бобровка, Яковлевка и Шилка (Тас.); Зудиха, лог (Ем.); Лопатиха, руч., пр. р. Кошуриха; Марчиха, руч., пр. Ен.; Сорочихин, лог (Ем.); Фадиha, долина на р. Усолка м-у дд. Среднее и Нижнее (Тас.); Федосеиха, поле близ с. Петропавловка (Бал.); Филатиха, поле бл. д. Петропавловка (Бал.); Хроматихин, колок бл. д. Петровка (Дз.).

Влияние модели на -ихя: Базанха, р., пр. Ен.; Баиха Верхняя, р., с. (Тур.) (Бай-яха – река рода Бай); Баиха Нижняя, р., пр. р. Турухан, с. (Тур.). Названия Баиха, Базанха нерусского

происхождения. Финаль *-иха* может обозначать фонетическое переформливание речного форманта (ненецк.) *-яха* под влиянием русского суффикса *-их(а)*.

Топонимы от апеллятива *бабы* обозначают место в пределах деревни или вблизи неё: *Бабий пляж*, место на р. Каче бл. п. Ем.; *Бабыня купальня*, место купания женщины в Ем. (см. гл. 3).

Топонимы от апеллятива *девичьи* хранят информацию о трагической ситуации, связанной с местом: *Девичий затон* (Бал.) – утонуло несколько девочек; *Девичий лог* (Бал.) – заблудились и замерзли несколько девушек в 5 км от д.

На основе системной связи: *Барышня*, руч., л. пр. р. Усолки (Тас.); *Кукла*, р. (Тас.).

Женские имена используются в микротопонимии, ойконимии, гидронимии. В сравнении с мужскими, среди женских отантропонимических названий, кроме посессивной модели, актуализируется модель переноса имени или прозвища на географический объект.

Женские отантропонимические названия более поздние. Женское имя в топонимии свидетельствует об особых социальных условиях выдвижения женщины в связи с потерей мужа (вдовство) или его болезнью, неспособностью кормить семью. Например, названия на *-иха* обозначают жену по имени или фамилии мужа, мать семейства, жену или вдову. Следует отметить, что мотивация названий от женских антропонимов гораздо богаче, чем мужских, сводящихся к отношениям владения.

Национальные отношения. На территории Красноярского края проживают 124 национальности. Отэтнонимных топонимов намного меньше. Славянские этнонимы: *Русский лес*, участок леса среди тундры в р-не п. Тухард – этноним актуализирован в названии потому, что территория тундры заселена в основном местным населением и там преобладают местные названия; *Беларуска*, д. (Ем.) – название отражает национальность основателей деревни во время второй переселенческой волны.

По прозвищу именуется и край деревни: *хохлы живут На Хохлах*, а *кацапы – На Кацапах*. *На Хохлах*, кл. (Б.-М.); *Хохлов рог*, поле (Бир.); *Хохлово*, поле (Петровка Дз.); *Хохлы*, д. (несущ.), поле (Николзевка Б.-М.). Ссылные поляки после польского восстания 1831 г. оставили свой след в топонимии Сибири: *Поляцкая*, р., пр. р. Сумарочиха; *Польское*, с. (несущ.) (Абан.) – сейчас место покосов; *Поляков*, покос (Бог.).

Эндемические этнонимы. В этот ряд входят топонимы от названий не только народов и народностей Приенисейской Сибири, но и отдельных родов: *Абалаковский улус* (Саян.)

*Абан*, р.; *Ага*, р.; *Агул*, р.; *Асанск*, с. (Дз.); *Ачинск*, г.; *Бахта*, р.; *Бирюса*, р.; *Боготол*, р., г.; *Иргит*, р.; *Камас*, ж.-д. станция; *Верхний Имбак*, р.; *Кача*, р.; *Кеть*, р.; *Мангазея*, г.; *Остяцкая*, д.; *Самоедский*, о-в на Ен и др.

Другие этнонимы. В региональной топонимии Приенисейской Сибири запечатлелись этнонимы нашей многонациональной страны – это названия народов, живущих близко: *буряты – Бурятские пашни* (Бог.); *якуты – Якутская*, гора на бер. Ен.; *Якутский*, о-в на Ен.; народов России: *калмыки – Калмыцкий поворот* (Бер.) – там жили раньше пастухи-калмыки; народов бывшего СССР: *молдаване – Молдованиха*, мельница (Бал.); *эстонцы – Эстония*, д. (Н.-И.); *неоседлый народ цыгане – Цыганский мостик* (стояли цыганские кибитки) (Бог.); народов других стран: *турки – Турецкая*, гора (Бер.).

Необходимость обозначения места по национальности людей в условиях Сибири возникает относительно редко. Во-первых, это ситуация первых контактов русских с местным населением в XVII в., когда присвоение этнонимных названий устанавливало границу «свой – чужой». Появление отэтнонимных названий во время второй и третьей волны переселения связано с приходом людей той или иной национальности на обжитую территорию, когда в условиях «вживания» осознается фактор «чужого».

Социальная и профессиональная сфера отражает общественную и историческую реальность, поэтому среди топонимообразующих апеллятивов (топосем) намечается следующее разделение: социальные и профессиональные апеллятивы, мотивирующие топонимы, образованные до 1917 г. и после 1917 г. XX в. К первой группе относятся: *казак*,

*тархан, монах, дьяконица, поп.* Социальные и профессиональные апеллятивы, мотивирующие топонимы, образованные после 1917 г.: *милиция, почта, пионер, солдат.*

Мотивационная база модели конкретных номинаций содержит знания о социальных особенностях двух эпох. Специфичность этой модели состоит в том, что в названиях не выражены денотативные характеристики объекта. Внутренняя форма и индивидуализирующее значение развернуты к субъектному фактору, который в данном акте номинации оказывается решающим.

*Религиозные и мифологические представления сибиряка* в топонимической системе реализованы в виде христианских образов и образов народной мифологии. Духовная сфера человека находит отражение в номинации *святых и чертовых* мест.

К *святым* относятся ойконимы по названию храмового праздника или святого покровителя деревни, имевшего функцию берега от нечисти: Вознесенка, д. (Бир.); Вознесенка, с. (Абан.); Вознесенское, с. (Бер.); Живоначиха, д. (Бал. вол.)

Чистому месту противопоставлено *нечистое* место, *чертово*. Восприятие *чистых* мест соединяет в себе мифологическое и эстетическое восприятие объекта, его безопасность и пригодность для употребления (воды) или использования в хозяйственной деятельности. *Чисто* поле в фольклоре несет смысл 'свободное от нечисти': Чисто болото (Богуч.) – нетопкое, без травы, вода чистая; Чистый, руч., п. пр. р. Мурма (Тас.) – чистая вода.

В эту же группу по мотивации могут включаться *святые* названия, чаще всего гидронимы, т.к. вода из ключей и ручьёв с таким названием использовалась для освящения и должна была быть исключительно чистой: Святой клоч.

Среди мотивов *чертовых* топонимов Приенисейской Сибири выделяются следующие: 1) место обитания черта; 2) место гибели одного или нескольких людей; 3) место, где всегда что-нибудь случается; 4) место аварий; 5) место в озере или на реке, где никто не может достичь дна; 6) глухое бесплодное место; 7) место, где «видели» черта или лешего; 8) места, неудобные для ведения хозяйственных работ. В их мотивации осознается «перевод» (тюрк. «бес, сатана») на систему мифологических представлений русских, но *шайтанские* названия не вызывают таких переживаний, как *чертовы*. Встречаются в северных районах Красноярского края: Шайтанский, о-в; Шайтан, оз. (Тур.); Шайтанское, с. на оз. Шайтан (Тур.). С образом шамана также связывались представления о нечистом, но мотивация осознается на бытовом, конкретном уровне: Шаман, оз., покос (Бир.) – раньше ясапный знахарь жил. Встречаются в центральных и южных районах, близких к Хакасии.

Место захоронения или гибели человека в сознании жителей становится опасным местом возможного проявления сверхъестественного. В названиях мест захоронения реализованы топонимы *могила, крест*: Могильник, новое кладбище (Ман.); Слёзная Могила, место захоронения партизан, погибших в борьбе с Колчаком (Ман.); Могильная гора, там кладбище (Бал.); Филимонов крест (Б.-У.) – место, где похоронены супруги Филимоновы. Расположение близ кладбища может быть отмечено в названиях географических объектов: Могильный, руч. близ кладбища (Уж.); Могилошный бор, за кладбищем (Тас.).

Представления человека о *чистом* и *нечистом* месте довольно широко репрезентированы в топонимии Приенисейской Сибири. Представления о *нечистом* месте выражены преимущественно *чертовыми* названиями, несущими смысл присутствия сверхъестественного и опасного. Представления о *чистом* месте связаны с религиозными обрядами, местом расположения церкви, покровительством христианских святых, а также с эстетическим восприятием места и его пригодностью для использования в хозяйстве.

*Числовые и порядковые* слова в названиях обозначают степень удаленности от точки отсчета, которой может быть исток или устье реки, деревня или какой-либо другой объект. Первый – обозначает ближний объект по отношению к позиции наблюдателя, точке отсчета: Первоманск, п. на р. Б. Ангажа (Ман.); Первое озеро (Наз.); Первый Каренский, руч., (Абан.); Первый тепляк, склад (Бир.). Как правило, первые названия коррелируют со вторыми, отмечая последовательность, удаленность объектов от точки отсчета: Первая Сазониha, ур. в 2 км от д. Крюково (Бал.) – Вторая Сазониha, ур., пашня в 3 км от д.

Крюково (Бал.). Реже количество объектов по порядку расположения достигает трех-четырёх: Третье Суриково, кладбище в 2 км от ст. Суриково 1 (Суриково 2 – это п. Рассвет) (Бир.); Первый песок, коса (Бир.) – Второй песок, коса (Бир.) – Третий песок, коса (Бир.) – Четвёртый песок, коса (Бир.). Гораздо чаще в процессе употребления отдельные объекты «выпадают» из ряда или приобретают другие названия. Жесткая порядковая заданность для большего количества объектов в топонимии нежизнеспособна. Из ряда могут сохраниться отдельные топонимы: Третья Речка, руч., п. пр. Ен.; Четвёртый участок, п. (несущ.) (Коз.); Шестой, леспромхоз (Н.-И.); Девятый, глухое место (Ман.) – раньше там был склад № 9.

Топонимы, сочетающие порядковое слово с метрологическим термином километр: Девятый километр, бол. (Бир.); Семнадцатый, поле на 17 км (Бог.); с метрологическим термином гектар: Семь гектар, поле (Бир.); Двенадцать гектар, пашня (Бир.); Двадцать два гектара, пашня (Бир.); с обозначением объекта: Три Места, луга на берегах р. Бирюса (Абан.) – место отдыха молодёжи; Три Ручья, р., пр. Ен.; Двенадцать листвяков, место (Бир.); Дорога тысячи мостов (Бей.); Двуречное, с. (Рыб); Шестишёрты, хребет (Среднее Тас.). Наиболее ранними считаются однословные топонимы с корнем-числительным, имеющим этнокультурное значение: три, пять, семь, девять, из которых три значимо как сакральное выражение троичности в фольклоре и религии. В материальном мире троичность также отмечена на ландшафте: Троюгорье, место у трех гор (Бер.); Трёхкаменка, скала горы Заречной (Наз.). Пять, семь, девять обозначают в топонимии множество: Пятигалька, место на реке (Б.-У.); Пятиковка, р., л. пр. Ен. в ср. теч.; Девятиха, р., пр. Ен.; Девясинский, о-в на Ен.; в сочетании с метрологическим термином верста – большую длину: Пятивёрстный, руч., л. пр. Ен. в ср. теч. (пятивёрстный – «очень длинный»); Семивёрстная, р., пр. Ен. (Тур.) – названа так за большую длину.

Номинарующее сознание человека выделяет также числительные двенадцать, тысяча со значением неопределённого множества: Двенадцать листвяков (Бир.), Дорога тысячи мостов (Бей.).

Другие числительные употребляются в точном математическом значении и не имеют этнокультурной коннотации.

Ситуативная номинация (мотивированная действием) в топонимии отличается от элементной (лексической) тем, что мотивом номинации при этом выступает не свойство объекта или отношение, а событие (ситуация). Результатом (номинантом) может быть предложение, пропозитивный знак, в связи с чем к ней (номинации) приложим термин «пропозитивная номинация» (Гак, 1977). Ситуативные наименования встречаются в топонимии многих народов, например, Каферкан, город-спутник Норильска, переводится с долганского как «мертвая долина», потому что в этом месте от бескормицы при переходе к Дудинке погибли олени стада. Примеров ситуативной номинации в русской топонимии Приенисейской Сибири немного, например: Место, где малец утопился (Бир.). В большинстве случаев предложение свергается до словесного знака, которым может стать: а) именование места по субъекту события: Устиньяно протока (Бал.) – утопилась Устинья; б) отпредикатные производные: Росстани – место, где расстаются во время проводов; Дралицы, поле (Богуч.) – поле, которое «драли», т.е. расчищали от кустарника и дерна; Корчи, поле (Бал.) – поле, которое корчевали; Сходцы, место, где сходятся две речушки (Бог.); Перелюевка, р. (Бер.) – очень узкая река, которую можно перешагнуть; Разгуляево, д. (Бог.) – версии: 1) во время гражданской войны белогвардейский командир отдал команду: «Разгуляйся!»; 2) деревня, в которой люди любили разгуляться; Забалуевка, ул. на окраине (Бог.) – забалуи, жители баловали, шалили, нарушали порядок; Гуляй-поле, поле (Бер.) – большое и ровное, есть где разгуляться; в) именование обстоятельство: Громовое, ур., убило молнией (громом) двух женщин; г) именование места по косвенному объекту: Тулупный, руч. – ехал зимой мужик мимо ручья, стало ему жарко, снял он тулуп и оставил, чтобы на обратном пути забрать, но потом его не нашёл;

д) ремотивация: Старицк, д. – по мнению жителей, деревня славилась беднотой, жители старцевали, т.е. хлеб добывали попрошайничеством (в действительности: деревня расположена близ *старицы* – «старого русла»).

Таким образом, ситуативные, событийные топонимы подразделяются на три разряда: 1) топонимы, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом; 2) топонимы, отражающие единичный случай, событие, происшествие; 3) топонимы с забытой внутренней формой, подвергшиеся ремотивации.

**Оценочность в топонимии**, отражающая аксиологические аспекты народной ментальности, связанные с аксиологическим аспектом номинируемых объектов, сопровождается экспрессивной коннотацией.

**Оценочность, выраженная семантически**: Веселый перевал на автодороге Абакан – Кызыл. В данном случае оценка не касается свойств денотата, она сосредоточена на оценке внутреннего состояния номинатора или на положительной рефлексии по поводу событий, связанных с объектом; Тракт (ирон.), плохая дорога (Бир.); Понуриха, мрачное место на Чулыме (Бал.). Языковое сознание информантов приписывает месту человеческие свойства на основе внутренней формы: понурый значит мрачный. Однако более широкий топонимический фон позволяет по-другому интерпретировать это название. На территории России, Болгарии, Югославии есть гидронимы и топонимы: Понора, р. в басс. Днепра; Понура, р. в басс. Москвы и т.д. от понор – поглощающее отверстие на дне карстовых образований – колодцев, воронок, через которые вода уходит под землю до водоупорного слоя. В Новгородской обл. понора – «прурь в льду» и «место, к которому тянут невод при ловле рыбы». В Центральных обл. понырь – «подземный поток». В чешском ропота řeka – «подземная река» и т.д.(Мурзаев, 1984).

**Оценочность, выраженная структурно, экспрессивными суффиксами**: Ваканчик, покос (Богуч.); Белоболотцо, бол. (Богуч.). Номинативная модель **онимизация признака**, сопровождающаяся субстантивацией: Гладенькая, гора со сглаженной вершиной, без растительности; Мохнатенький, о-в на р. Ангара (Богуч.) – в основе номинации лежит использование перцептивного опыта номинаторов, переведённого в визуальную сферу.

**Оценочность, выраженная стилистически**: в среде приезжих рабочих Богучанского района существует субъективно-ироническая номинация, которая носит оценочный характер: Бичуганы (о с. Богучаны); Бичград (о поселке геофизиков в с. Богучаны); Бермутский треугольник – территория у общежития, где часто теряются вещи; Смольный – общежитие в п. геофизиков, в котором всю ночь горит свет в окнах; Зелёный змей – столовая в п. Богучаны, выкрашенная в зелёный цвет.

Следует отметить, что перечисленные наименования записаны от одного информанта – это шофер, хорошо представляющий данную среду и принадлежащий к ней. В основе номинации приведённых примеров лежит переосмысление действительности, стремление сознания выразить знание, не совпадающее с официальным, общепринятым, существующее в определённой корпоративной среде. При этом «денотат стилистически маркированной единицы, в отличие от денотата нейтрального слова, предстает как сложное, комплексное явление, где соотносённость с квалификативными сферами «преломляется» через выделенный языковым коллективом признак предмета наименования, который становится «бросающимся в глаза», ведущим, доминирующим в процессе осмысления объекта реальной действительности средствами номинации». (Уфимцева, 1977)

Мотивирующей базой приведённых выше названий являются: 1) стилистически сниженная языковая единица *бич* («деклассированный элемент, бомж»); 2) стилиевой перенос наименования из высокой сферы употребления в низкую (Смольный, Бермутский треугольник); 3) переосмысление устойчивого сочетания на основе цветовой ассоциации (Зелёный змей). Данная группа названий является частью социально ориентированного дискурса и может быть рассмотрена как явление сниженного стиля, противопоставленного и литературному, официальному, и народному. В названиях, несущих коннотацию оценки,

выражено субъективное восприятие объектов номинаторами отдельной социальной группы.

*Образное восприятие географических объектов* имеет непосредственное отношение к образной метафорической номинации, которая представляет собой разновидность перекрещивания номинации парадигматического типа, отражающую отношения перекрещивания между сигнификатами, основанную на отношениях сходства (Гак, 1977); «...относительно свободное использование разнообразных лексических единиц во вторичной номинативной функции» (Голев, 1980); когда «...поиск отождествляющего содержания становится свободным и причиной отождествления становится уже не мысль о тождестве предметов, а ощущение адекватности конкретных чувственно-наглядных образов-впечатлений от них» (Рут, 1992). Метафорическая образность не ограничивается пределами поэтического языка. Д. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Лакофф, Джонсон, 1990).

В.Н. Топоров отмечает, что мифологическое сознание древнего человека «в высшей степени ориентировано на постоянное решение задач тождества» (Топоров, 1987). С помощью мифологических представлений человек упорядочивает окружающий мир, еще недостаточно понятый и изученный. Метафорическая картина мира не дополняет, как считают некоторые, 'ядро' концептуальной системы и не служит 'периферией' (Брутян, 1968, 1973; Васильев, 1974; Колшанский, 1975), а является одним из способов отражения мира. «То, что принято называть языковой картиной мира, – это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» (Теляя, 1988). Согласно интеракционистской концепции М. Блэка, метафоризация протекает как процесс, в котором взаимодействуют два объекта, или две сущности, и две операции, посредством которых осуществляется взаимодействие. Одна из этих сущностей – это тот объект, который обозначается метафорически, вторая сущность – вспомогательный объект, который соотносим с обозначаемым уже готового языкового наименования. Эта сущность и используется как фильтр при формировании представления о первой. Каждая из взаимодействующих сущностей привносит в результат процесса свои системы ассоциаций, обычные в случае стандартного употребления языка, что и обеспечивает говорящими на данном языке метафорический смысл. Создание образных наименований основано на способности человеческого сознания использовать предшествующий опыт для отождествления различных объектов, точнее, их образов. В классифицирующей и уходящей деятельности языкового сознания срабатывают межпредметные связи, активизированные тем или иным образом «снятой» объективной действительности: «Образная модель является посредником между чувственно воспринимаемыми объектами действительности и смыслом, значением, понятой сущностью их» (Михайлова, 1972).

Основными компонентами номинации служат субъект, объект, адресат, язык. Рассмотрим роль этих элементов в образной номинации. Мотивирующими основами для топонимии в Приенисейской Сибири послужили топонемы со значением «части тела»: *нога, пуп, язык, ребро, щеки, кость, волосной покров (лысая), бородавка, бок, гузно*, реализованные в топонемах путём переноса значения из сферы *тело* в сферу *ландшафт*, являются распространёнными в географической терминологии: Тёшин язык, крутой, опасный поворот дороги (неск.), название встречается довольно часто, но это, скорее, не термин, а лингвокультурема, символизирующая коварство, порожденное характером отношений в семье между некрвными её членами; Костоватая, гора (Бер.); Ребра, о-в на Енисее, скалистая площадь, напоминающая ребра (Бей.) и др.

**Вкусовые ощущения:** Горькая дорога (Ач.) – на ней возили хлеб в войну в Ачинск, в голод и холод. Образность названия основана на переносе конкретных перцептивных ощущений в область духовных переживаний.

В метафорической топонимической номинации отмечается преобладание образов антропоморфного характера (части тела человека); в меньшей степени используются ассоциации зооморфного характера (топосемы: *медведь, баран, ёжик, грива*), пространственного характера (топосемы: *блюдец, чаша, стопка, булочка, штаны*), ассоциации на основе хозяйственного опыта (топосемы: *ножницы, хомут, сусек*), на основе комплексных представлений (*Каменная деревня*), на основе переноса в область духовных переживаний (*Горькая дорога*).

Следовательно, образная номинация в народной топонимии Приенисейской Сибири обусловлена крестьянским опытом, психическими переживаниями и практическим мышлением человека.

**Выражение временных представлений** в топонимии носит весьма ограниченный характер – это названия от апеллативов, обозначающих времена года и время суток, а также оппозиция *старый – новый*. Присвоение географическим объектам временных названий свидетельствует о взаимодействии категорий времени и пространства в сознании. Категория времени, таким образом, предстаёт в топонимической картине мира как двучленная, она выражена обозначением прошлого – настоящего через номинации *старый – новый*, она отражает относительное время существования объекта. Название *Старая Поскотина* не может возникнуть, пока не появится *Новая Поскотина*, в то же время *Новая Поскотина* не может быть так названа, если до неё не существовала *Поскотина* или *Старая Поскотина*. Чаще всего в микропространстве возникают бинарные корреляции типа: «Поскотина – Старая Поскотина» или «Старая Поскотина – Новая Поскотина» или «Поскотина – Новая Поскотина». Иногда старые объекты переживают новые и остаются вне корреляции в обозначениях, но чаще новые доживают до глубокой старости, сохраняя память о том, что когда-то они заменили собой старые объекты, поэтому количество *новых* названий превышает количество *старых* в наших списках в четыре раза. Иногда это противопоставление по времени выражено в названиях трёхчленной оппозицией: *Поскотина – Старая Поскотина – Новая Поскотина*, место, где стояла изгородь (Бир.); *Старица – Старая Старица – Новая Старица*, водоем (Бир.). Последний пример демонстрирует случай потери внутренней формы словом старица в терминологическом, а затем в ономическом употреблении, что приводит к появлению топонимических парадоксов: *Старая Старица, Новая Старица*.

В номинациях *старый – новый* отражена ориентация на свой отсчет времени относительно деревенских событий, предметов. Это соответствует представлениям об эмпирическом времени, отраженном в языках: «Время не априорная форма, которую мы навязываем явлениям, а совокупность отношений, которые опыт устанавливает между ними» (Гюйо, 1899).

**Время дня.** В топонимии нашли отражение следующие временные отрезки суток: *полдень, вечер, восход, закат*: Полуденный распадок (Аб.); поле Закат (Аб.); совхоз «Восход»; Вечерницы, д. (Ем.). Первые два названия обозначают пространственные представления: *полуденный* – юг, *закат* – запад (см. гл. 3). Это очень хорошо просматривается в говорах Приенисейской Сибири: Четыре стороны, их так и зовут: *восход, закат, сивер, полдень* (П.-Х.) (СЮ). Ойконим Вечерницы, д. (Ем.) не осознаётся жителями как связанный с направлением. Зато в говорах существует множество обозначений бытовых реалий и действий, связанных с этим временем суток: Молоко утром – это *утренник*, а вечером которое надаиваем – *вечерник* (вчёрошник) (П.-Х.); *вечеряться* – дружить. – Опять моя дочка вечеряется со Стёпкой (Ир.); *вечереньки* (вечёрка, вечеринка) – вечерние посиделки девушек с работой. – Зимой по вечерам девки собирались на вечереньки и брали с собой работу (Кеж.); Там песни пели, в игры играли. (Кеж.) (СС). В названии совхоза «Восход» внутренняя форма связана с началом дня, однако в

эргонимическом значении смысл переводится в область символического – начало новой жизни.

**Время года.** В топонимии нашли выражение названия времен года: *зима, лето, весна*. Как правило, обозначение географических объектов было связано с сезонными изменениями в состоянии и использовании рек и дорог, с сельскохозяйственными и животноводческими работами, промыслами: Зимник, оз.; Зимник, д. (Аб.); Летник, д. (Бей.); Летняя, р.; Мокрая Летняя, р.; Летний Камень, возвышенность; Весновка, р. (Бог.); Веснянка, дорога (Ман.); Большая Веснина, р. (Тур.).

Значительна также пространственная коннотация у некоторых темпоральных названий.

*Отпозиция свой – чужой* неизменно привлекает внимание лингвистов. На различном языковом материале она была исследована в работах Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, В.Н. Топорова, А.Д. Васильева, И.А. Славкиной и других. С этой целью было рассмотрено 1670 наименований населенных пунктов, извлеченных из архивных документов, памятных книжек Енисейской губернии, карт XIX в. Из 1670 ойконимов 620 составили группу отатропонимических наименований, обозначающих отношение к первопоселенцу, основателю деревни. Отатропонимические топонимы по времени образования более поздние, чем обозначающие отношение к географическим объектам: они обозначали принадлежность человеку. Ментальный смысл отатропонимических наименований очевиден: дать своё имя – значит обозначить *своё*. Еще около 100 наименований образованы от названий храмов и храмовых праздников, в них ментальное значение *своё* проявляется в аспекте сакрально-религиозных представлений жителей. Далеко не так прозрачен ментальный смысл других ойконимов.

Семантическое поле *жильё*. Предметом нашего анализа стала группа ойконимов со значением базового апеллятива «жильё», представленная 21 названием: Установа, д. (Залед.), Становой, п.у. (Залед.), Станок, д. (Шел.), Стан Ямских, д.; Станок, д.; Заимская, д. (Пинч.), Заимка, д. (Кеж.), Ново-Заимское, с. (Конт.), Заимка Крестик, Заимка Мазанова (Ем.); Избушечная, д. (Б.-Ул.); Городищенское, с. (Макл.), Высокогородетская, д. (Абан.), Верхне-Подгороднее, с. (Макл.), Городок, д. (Мало-Мин.) (бывш. Тубинский Городок, Мельх.); Дворецкая, д. (совр. Дворец) (Кеж.); Караульный Острог, д. (Бал.); Посадский, выселок (Бель.); Хуторский, п. (Тин.), Хуторки, д. (Тин.), Хутор Хребтовых, д. (Ем.).

Стан, станок – «временное жильё, стоянка»: Установа, д. (Залед.), Становой, переселенческий участок (Залед.), Станок, д. (Шел.), Стан Ямских, д., Станок, д.

Русск. – ц.-сл. Станъ; в сербохорв. – «жильё»; в словен. – «строение, жилище, загон»; в-луж., н.-луж. – «палатка». Родственные лит. *sto'pas* – «состояние», др.-инд. *Sthapam*; ср.р. – «место, место пребывания»; авест. *stapa* – «стойка, место, стойло»; д.-в.-н. *stan, stēn* – «стоять» (Фасмер).

В говорах Приенисейской Сибири: станок – «рыбачий домик или палатка»; стан – 1) «временное жилище людей в тайге или в поле» (СЮ); станок – 1) «населённый пункт, посёлок» (СС). В топонимии Пинежья: стан – 1) «временное жильё»; 2) «административная единица, округ» (Симица). Э.С. Мурзаев

отмечает те же значения, в том числе в славянских языках, и множество топонимов повсеместно. Общеславянский характер распространения лексемы *стан*, индо-европейские соответствия говорят о древности этого слова, его связи с глаголами *стоять, ставить*. В говорах Приенисейской Сибири находим употребление: *ставить стан*. Корень *-st-* отмечается в современном русском языке в слове постоянный. В постройке станов и станков усматривается когнитивная установка – создать защиту для *своих*, отметить своё присутствие, однако сложившаяся позже и сохранившаяся в говорах Сибири значение лексемы стан «временное жильё, стоянка» сформировалось под влиянием следующего этапа освоения пространства – появления на месте станов и станков постоянного жилья и поселений. Базовые апеллятивы (топосемы) *стан, станок* входят в ЛСГ «временное жильё» наряду с апеллятивами *заимка, избушка*.

Монимативные семантические модели в ойконимии Приенисейской Сибири: 1) Установа, д. (Залед.) – место (у стана); 2) Становой, переселенческий участок (Залед.) – отношение к

стану, апеллятив *стан* здесь в значении «временное жильё», т.е. деревня и переселенческий участок названы по находящемуся вблизи (на участке) стану; 3) Станок, д. (Шел.) – на месте стана (онимизация апеллятива); 4) Стан Ямских, д. – род занятий жителей (деревня, в которой находилась почтовая станция для смены почтовых лошадей). Степень распространённости объектов *стан*, *станок* делает высокой вероятность онимизации, однако в ойконимии Приенисейской Сибири XIX в. находим только пять ойконимов. Возможно, 1) образованию ойконимов препятствовало большое количество однородных объектов, что приводило к низкой степени смысловозначительности, трудности выделить объект с помощью такого онима; 2) в действительности не так часто на месте временного стана возникала деревня. Множество станов и станков строилось вокруг деревень. Например, д. Установа появилась рядом со станом (приставочно-суффиксальный способ), д. Станок – на месте станка (онимизация апеллятива), а переселенческий участок Становой занимал территорию, на которой есть стан (суффикс относительности -ов). Ситуация номинации связана с объектами одного типа, но мотивация, способы и средства номинации различны: в пределах пяти ойконимов отмечается пять номинативных семантических моделей. Следовательно, причина (1) неактуальна и следует принять причину (2), что подтверждается распространённостью номинаций, приведённых Э.М. Мурзевым в пределах России: топонимы топосемы *стан*, как правило, двусловны и содержат определение: Тёплый Стан, Красный Стан, Весёлый Стан, Главный Стан и др., либо включают определение от апеллятива *стан*: Становая Слобода, Становой хребет, Становой Колодец и т.д. Отмечается множество гидронимов. Об этом же свидетельствует и микротопонимия. В Приенисейской Сибири: ручьи под названием Становой (2) в бассейне Среднего Енисея (СТ); реки Становые в Поочье (Смолицкая, 1995).

Критерии отделения *своего* от *чужого* в ойконимии Приенисейской Сибири – территориальный, этнический, сакральный, социальный. Жильё мыслится как *своё* на начальном этапе освоения пространства по отношению к остальной территории. Этот смысл выражен в топонимической семантике апеллятивов: *город*, *городок*, *городец*, *городище*, *заимка*, *острог*, имеющих в значении сему *своё* и мотивирующих ойконимы первооселенцев. Номинативная семантика ойконимов проливает свет на отношения с аборигенным населением Приенисейской Сибири и второй волной переселенцев. Названия более поздних видов поселений образованы от апеллятивов, обозначающих жильё с ментальным смыслом *чужое* по отношению к старожилам – *дворец* (*двор*), *хутор*, *посад*, *выселки*, *вышвырки*, *притычка*, *прицепловка*, *отскочиловка*, мотивирующих ойконимы поздних переселенцев.

Ядром поля *чужое* являются ойконимы, мотивированные апеллятивами *выселки*, *хутор*. На периферии поля – ойконимы, мотивированные апеллятивами *дворец* (*двор*) *посад*, *вышвырки*, *притычка*, *прицепловка*, *отскочиловка*, и перенесённые топонимы (Шанхай).

*Идеографическое поле память* включает блок *меморативов* (имен и ситуаций) регионального значения, связанных с освоением Крайнего Севера.

В выводах отмечается, что образ '*Человека*' в топонимии Приенисейской Сибири представлен десятью идеографическими полями топонимов, наименование которых отражает связь топонимов с реалиями жизни и быта человека, обусловленные физическими различиями, отношениями в коллективе, действиями и психо-эмоциональным восприятием действительности. Внутри идеографических полей выделены семантические поля, отражающие связь семантики топонимов с понятиями и наличие у них понятийно-идеографической основы: '*мужчина*'; '*женщина*'; '*религия и мифологические представления*'; '*тело человека*'; '*национальность*'; '*социальная сфера и профессии*'; '*восприятие*'; '*оценка*'; '*число*'; '*ситуации*'; '*действия*'; '*образность*'; '*свой – чужой*'. В результате анализа семантических и номинативных моделей в семантических полях выделены ядерные и периферийные зоны номинации, отражающие соответственно

общерусский ментальный слой моделей и названий и уровень, обусловленный региональными геополитическими и эмоционально-психическими ментальными представлениями.

В главе 3 осуществляется моделирование ментального образа *Пространства*.

Обращение к категории пространства в реферируемой работе обусловлено, прежде всего, тем, что предметом изучения избрана топонимия. В силу объективных причин топонимы обладают рядом особенностей. Это вторичные языковые знаки, поэтому семантика их многослойна по сравнению с апеллятивами. В топонимах как специфических единицах языка, обозначающих место, заложен семантический элемент пространства. Соотношение лингвистического и экстралингвистического в топониме делает его удобной единицей для наблюдения связей языка и сознания, языка и пространства. Развивая идею о взаимовлиянии пространства и положения вещей в нём, М. Хайдеггер приходит к мысли о влиянии «мест на пространство». Иными словами, пространство обусловлено и характеризуется «местами» и «вещами», их качествами и взаимодействием между собой и пространством. Таким образом, топоним (обозначение места) можно рассматривать как связующее звено между пространством и языком, фиксирующим эту связь тем или иным способом через название «мест» (Хайдеггер, 1991).

Первыми шагами в освоении окружающего мира является название объектов, их классификация. Акт номинации считается актом творчества, но не только – это ещё и продукт осмысливания. Лингвистические исследования становятся антропоцентрическими, потому что освоение окружающего, выражение результатов освоения через язык есть не что иное, как осознание себя в этом мире, вначале чужом, а впоследствии освоенном, отраженном в образах, понятиях и выраженном в языке, т.е. означенном. Топонимия как текст, состоящий из дискретных единиц, репрезентирует народные представления о пространстве. Д. Лич при описании пространства использует такие базовые единицы, как «место», «протяженность», «близость», «вертикальность» / «горизонтальность», «север» / «юг», «запад» / «восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) (Лич, 1971). У А. Вежбицкой к этому списку добавлены «направление», «границы пространства», «сила притяжения» (Вежбицка, 1972). М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский в своей работе отмечают способы субъективного и объективного определения расстояний между предметом и местом (Всеволодова, Владимирский, 1982).

В данной главе определяются народные способы параметризации пространства в сознании сибиряка и способы его обозначения в топонимии региона по следующим параметрам: 1) *стороны горизонта*; 2) *локализация в пространстве*; 3) *верх – низ*.

*Стороны горизонта. Направление север – юг.* Обозначение сторон горизонта относится к абсолютным характеристикам пространства в научной картине мира. Однако в топонимии конкретной территории эти характеристики становятся относительными. В наших материалах представлены следующие названия населенных пунктов, эксплицирующих это направление: Енисейск, г. – Северо-Енисейский, п. – Южно-Енисейский, п. Посёлок Северо-Енисейский находится севернее Енисейска и Южно-Енисейска и является центром Северо-Енисейского района, Южно-Енисейск расположено в Мотыгинском районе, южнее Северо-Енисейского, однако по отношению к Красноярску оба района считаются северными. Многослойность, относительность понятия «север» в Красноярском крае выражаются народным термином *северá*. Уровни удаленности на север от точки отсчета – г. Красноярск (краевой центр) – выстраиваются таким образом: Северное Приангарье, далее, по мере удалённости на север, Туруханский район, Заполярье (Норильск), Крайний Север (Таймыр), побережье Северного Ледовитого океана, острова, Северный Полюс. Для красноярцев «жить на севере» может обозначать любой из северных районов, однако для жителей каждого из этих районов «севером» является только то, что расположено севернее относительно их места проживания. Поэтому и возможна форма *северá*, семантическим наполнением которой служит не грамматическое значение

раздельного множества, а территориальная удаленность, вытянутость края с севера на юг. Официальное обозначение: Северо-Александровка, д. (Кан.), Южно-Александровка, д. (Ил.), в которых расположение отмечается относительно границ административного деления, не всегда, кстати, соответствующего современному. Так, Северо-Александровка располагается на севере Канского района, а Южно-Александровка – на юге соседнего с ним Иланского. Южная Тунгуска, д. (Н.-И.) расположена на севере Нижне-Ингашского района, южнее р. Ангары, которая в прошлом веке называлась Верхней Тунгуской или просто Тунгуской. Территория бассейна Ангары до прихода русских была населена эвенками (тунгусами), которые теперь занимают площадь в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, т.е. севернее. Поэтому название Южная Тунгуска коррелирует с Тунгуской. Ойконим Южная Тунгуска – гидронимического происхождения. На территории Восточной Сибири оказалось возможным соотношение таких удаленных друг от друга объектов из-за низкой плотности населения этой территории. Среди микропонимов в направлении *север – юг* обнаруживаем относительно ориентации на север относительно другого объекта на микротерритории: Север Сухого Лога, ур. (Уж.). Присутствует народное обозначение севера: Заветёр, поле (Бал.), Заветерна забока (Кур.). Ойконим Вечерницы, д. (Ем.) не осознаётся жителями как связанный с направлением. В говорах Красноярского края *заветерье, заветёрный, заветёрок* – «за ветром», «за солнцем» (склон), «северная сторона» чего-либо (СЮ). Народное обозначение *юга – полдень* – выражено в названии Полудённый распадок (Аб.). – В полдень по распадку идёшь прямо на солнце (СС).

**Направление восток – запад.** Официальное обозначение направления *восток*: Восточное, с. (Уяр.) – расположено на юго-востоке Уярского района, не соотносится с западными названиями на территории района, не имеет коррелятов; Восток, с. (Аб.) – расположено на северо-западе от Абана, районного центра. Соответственно прежнему административно-территориальному делению это была Устьянская волость, и ориентир от волостного центра и границ волости не совпадает с современным. Следовательно, восток в данном случае обозначает направление относительно европейской части России, родины переселенцев, или имеется в виду Восточная Сибирь. В микропонимиях: Восточное, оз. (Ил.), Восточная тайга, лес (Тюх.) – восточные топонимы не коррелируют с западными.

В народной топонимии встречается обозначение *запада*: Закат, поле (Аб.). В народной терминологии: *закат* – запад, сторона, где солнце закатывается (Алтай) (Богданов, 1963). В говорах Красноярского края народные представления о сторонах света выражены следующим образом: Четыре стороны, их так и зовут: *восход, закат, сивер, полдень* (П.-Х.); *сивер* или *север*: Если северна сторона кадыря (крутой склон), называют и север, и сивер, и заветёрок (П.-Х.); Хоть какая гора, хоть взлобок, хоть угор, у них есть север и полдень, это северная сторона и южная (П.-Х.) [СЮ].

Таким образом, наиболее ярко в топонимии выражено направление *север – юг*, слабее представлен *восток* и единично – *запад*. В народном языковом сознании существует связь между метеорологическими и пространственными представлениями: холодным временем года и *севером*, теплым временем года, дня – и *югом*, а также погодными условиями времён года, дня: *полдень – юг – южный ветер*. О ветре в южных говорах Красноярского края: *Полдень в любую пору бывает. Это вообще с юга. А если летом полдень, так он не то что крутень или даже салгун* (П.-Х.); *Сивером и ветер зовут, если с севера. Когда зимой, дак ясно, сивер будет холодным, захлзут, летом-то чё он, холодный? Посвежее только от полдня* (П.-Х.) [СЮ].

*Зима* – холодный сезон года. В Архангельской области называется также *север* (Мурзаев, 1984), в говорах Приенисейской Сибири такое обозначение не зафиксировано. *Зимник* – «дорога в тайге по рекам, озёрам, лесам и болотам, доступная после первых крепких морозов», «зимнее стойбище» в Сибири. *Зимняк* и *зимник* – «зимняя дорога» на Урале, в Сибири, на Верхней Волге, в Карелии, Новгородской области. Ныне это слово уже потеряло областной характер. *Зимник* – «северный ветер» на Белом море, «юго-восточный

и восточный ветры» в Калининской и Псковской областях, Карелии, на озерах Селигер и Ильмень (Даль, СРНГ).

В топонимии Приенисейской Сибири: Зимник, оз. близ д. Хиндичет (Абан.), – где было построено помещение для зимнего содержания скота, рядом – Зимниковские избушки, ручей и протока р. Бирюсы. В этом же районе на северо-востоке от Абана – д. Зимник. Таким образом, зимние названия связываются с временем года, образуя хронотоп, ориентированный на зимнее время года в районах Приенисейской Сибири.

*Лето* – тёплый сезон года, *юг, полдень. Летний ветер* – «южный», «полуденный» (Даль). Река Летняя – левый приток Нижней Тунгуски, впадающий в неё в створе с правым притоком, рекой Северной. Здесь же, по обоим берегам Нижней Тунгуски, расположены возвышенности Летний Камень и Северный Камень. Корреляты Летняя – Северная соотносятся по координатам *южная* – *северная*. Еще одна река Летняя – южный приток Берёзовки в бассейне Колымы, близ впадения р. Сивер, текущей в Берёзовку с севера. Эти топонимические примеры показывают, что название Летний (яя) следует понимать в значении *южный* (ая). Расположение этих притоков соответствует южному (Летняя) и северному (Северная) берегам, т.к. русло Нижней Тунгуски, впадающей в Енисей, протянулось с востока на запад, следовательно, один её берег южный, другой – северный, что и выражено в названиях притоков. На территории Туруханского района есть р. Северная, пр. р. Ворогово. В говорах Приенисейской Сибири зафиксировано: Северными северяне обычно называют реки, впадающие в главную реку с севера (СТ). Однако р. Северная 2-я, п. пр. р. Большая Веснина, течет с юга. Мокрая Летняя, р., л. пр. р. Тис (левый южный приток); Северная, р., п. пр. р. Тис (правый северный приток); Северная, р., п. пр. Ен. ниже с. Шишмарёво, течет с северо-востока и впадает в Енисей как раз в том месте, где река меандрирует, так что правый берег и, соответственно, правый приток оказываются с северной стороны. По диалектным данным: *летник* – 1) дорога, которой пользуются только летом. – Есть *зимник* – по этой дороге только зимой ездить можно, – а есть *летник*. По *летнику* только летом, а зимой не проедешь. *Зимником* через реку и там ехать неча, а *летником* в объезд, много дольше (П.-Х.); 2) летнее жильё (П.); 3) загон для скота летом (СЮ).

В топонимии Приенисейской Сибири *летних* названий намного меньше, в них сохранилось только сезонное значение. В названиях Весновка, р. (Бог.), Веснянка, дорога (Ман.) реализуются значения, связанные с веснами (сезонными) особенностями разлива рек и трудностями проезда. Кроме того, отмечены: Большая Веснина, р., п. пр. Енисея, впадающий с восточной стороны; Северная 2-я, р., впадает в Большую Веснину с южной стороны; Шиверная Веснина, р., л. пр. Большой Веснины, впадает с восточной стороны. Таким образом, названий, соответствующих системе координат, примерно столько же, сколько и выпадающих из неё. Обозначения, связанные с временем суток, единичны.

*Идеографическое поле Локализация в пространстве.* Для относительной пространственной модели характерна незначимость абсолютного расстояния. Семантическую оценку расстояния в рамках этой модели можно охарактеризовать так: относительная трудность достижения данной точки пространства обусловлена удаленностью этой точки. Она выражена в географических названиях в наличии оппозиции *дальний* – *ближний*, которая отражает в языке работу сознания по измерению пространства через расположение объектов относительно положения номинатора. Пространство не является пустым, оно конституируется находящимися в нем предметами. В связи с этим пространственная оценка *ближний* – *дальний* приобретает важное значение, очерчивает круг ближних объектов и круг дальних объектов.

В группе рассматриваемых топонимов выделяются коррелирующие и некоррелирующие названия. Некоррелирующие названия в группе ойконимов: Дальний, п. (У., Наз.) – обозначает удаленные от районного центра населённые пункты и приближается к абсолютной характеристике дальности в пределах микрорегиона. Среди некоррелирующих микропонимов – оз. Ближнее (2) (Ш.); Ближний лес, ур. (Парт.); Ближний Имбеж, з. у.

(Возн. вол.); Ближний Хмелев, ур. (Даур.); Дальняя Степь – ощущается близость с концептом «свой – чужой». Признак «далёкости» коррелирует с внешним, иным, чужим; признак «близости» соотносится с внутренним, своим.

В коррелирующих названиях группы микротопонимов выражен иной смысл, в частности, в лимнониммах Дальний Кошколь – Ближний Кошколь наблюдается семантическая оппозиция, выражающая относительную удалённость от ближайшего населённого пункта, от которого идёт отсчёт, т.е. дальний по сравнению с другим, однотипным. Эти озёра имеют второе название: Первый Кошколь – Второй Кошколь. Местные жители – хакасы – переводят название озера как «двойное», «парное». В народном представлении, как видим, *дальнее – ближе* вполне переводимо на язык официальных измерительных единиц. Рассмотрим круг *ближних* и *дальних* топонимов, не выражающих эти значения лексическими средствами, т.е. находящимися на периферии этого семантического поля. К ним относятся различные способы выражения значения близости – удалённости, указывающие на связь объекта с населённым пунктом (домом): Деревенская, гора (Ш.); Домашний, бор (Аб.), в 2 км; Домашний, исток (Бог.), Домашний, о-в (Бог.). Идея близости к дому: 1) связана с образом женщины (бабы), отмеченным также в топонимии Русского Севера (Березович, 1998), выражена топонимами: Бабий пляж, место на р. Каче (Ем.); Бабыня купальня, место на р. Каче (Ем.). В круг *ближних* топонимов, вызывающих близлежащие объекты, входят топонимы, образованные от женских имен и названиях с различными ситуациями жизни женщины: Макарихино, оз. (Аб.); Ольгино поле (Аб.) (повесилась Ольга); 2) связь с домашним хозяйственным объектом: Огородный, руч. (Бог.); Марфин огород (Аб.); Мельничный, руч. (Бог.); Троеброда, брод (Аб.); 3) ритуалы и праздники: Пионерская поляна (Кан.); Маёвка, поле (Аб.); 3) образы домашних животных и птиц также отмечают ближние объекты, т.е. события и действия, связанные с ними, происходят в ближайшем от деревни пространстве: Кошачий овраг (Ач.) – дети как-то нашли там мертвую кошку; Кроличьи поля (Ач.) – на этом месте разводили кроликов; Коровий пляж (Ач.) – водопой; Свинарский пруд (Наз.); Козий огород (Уж.); Цыпленкин, руч. (Ш.); Цылухинский, кл. (Ш.); Конное, место (Парт.) – был конный двор; 4) деревенские хозяйственные постройки: Амбарные гари (Аб.); Нижний склад (Аб.). Идея удалённости реализуется следующими непространственными способами: 1) перенесённые топонимы, обозначающие удалённость в макропространстве, ставшие символами дальности: Дарданиллы, пастбище (Аб.), в 10 км от деревни; Колыма, ул. (Хиндичет Аб.), крайняя в поселке; Камчатка, ур. (Уж.); Чухонский, поле (Аб.), в 7 км от деревни; Северный Полкус, вершина горы (Ман.) – идея удалённости сочетается с идеей труднодоступности; Туруханское поле, (Аб.); Куба, окраина деревни (Рыб.); 2) связь топонимов с удалёнными от деревни объектами: Пашенный, руч. (Бог.); Пахотный, руч. (Бог.); Полевой, руч. (Бог.); Толокно, руч. (Бог.). Хозяйственные объекты, связанные с полевыми работами, пашни, поля, покосы, пастбища, составляют круг удалённых объектов в сравнении с хозяйственными объектами по разведению домашних животных и огородами; 3) образы диких животных и птиц: Утиное, оз. (Аб.) – водятся дикие утки; Медвежье оз. (Аб.) – водили медведя; Медвежий, кл. (Ш.); Медвежье, ур. (Парт.); Волчий угол (Аб.) – непроходимая тайга и волки; Гусиное, болото (Наз.) – дикие гуси водились; Журавлиное, болото (Наз.); Журавлиное, оз. (Бал.) – журавли прилетали; Большая Змеинка, луг (Наз.); Маленькая Змеинка, луг (Наз.); Змеиная, гора (Бал.); Змеиное, оз. (Ш.) – водились змеи; Белочная, гора (Уж.) – белки водились; Козлиное, оз. (Бал.) – водились дикие козы; Куличье, оз. (Бал.) – много куликов; Барсучья, гора (Ш.) – водились барсуки; Рысья тропа (Парт.); Лисьи норы, покос (Парт.).

Локализация в пространстве независимо от субъекта (номинатора) предполагает возможность нахождения объекта в *середине*: Серединка, д. (Ир.); в центре: Центральная, ул. (Ил., Наз. и др.); между какими-то двумя объектами: Межево, с. (Саян.), Межево, с. (Б.-М.), Междуречка, д. (Саян.), Междуречный, з.у. (Ач.); Среднее, с. (Тас.) – расположено на р. Усолке примерно посередине между населёнными пунктами Троицк и Устье.

В восприятии пространства вырисовывается противопоставление: *центр – край (граница)*. Это значение зафиксировано в «граничных» топонимах: Межево, с. (Саян.) – расположено близ границ Саянского района с Рыбинским и Ирбейским районами; Межево, с. (Б.-М.) – обозначало границы, которые в настоящее время неактуальны; Межовская Грань (Б.-М.) – поле и граница между владениями колхозов (значение границы в топониме эксплицировано дважды); Мезёнск, д. (Аб.) – реализовано то же значение границы, что и Межево. Междуречка (Саян.), Междуречный, з.у. (Ач.), Междускальский, ур. (Даур.), Междугранок, з.у. (Абак.), Мехник, з.у. (Тюльк. вол.) – топонимы обозначают расположение между двух объектов.

Ментальные представления о пространстве на уровне параметра *верх – низ* на основе семантики ойконимов. Из 1600 анализируемых наименований населенных пунктов более 760 отражают пространственные отношения, 550 из них обозначают отношение к гидрообъектам, в основном рекам. Реки в качестве ориентиров, структурирующих ландшафтное пространство, несомненно, стоят на первом месте среди других топообъектов. Однако оронимические объекты также имеют немаловажное значение в формировании образа географического пространства. Группа со значением *верх – низ* представлена в наших материалах 52 названиями (в это число не включаются названия, обозначающие расположение относительно русла реки, т.е. в значениях *исток – устье*).

Для извлечения интересующей нас информации выделена идеографическая группа апеллятивов, представляющих собой ойконимические базовые основы: *яр* (10), *гора* (7), *мыс* (3), *глядень* (4), *камень* (3), *горбы*, *сопка* (2), *хребет*, *курганчик*, *елань* (*ялань*) (6), *луг(а)* (6), *кулига*, *поляны*, *клин*, *лог* (2), *падь*, *яма* (2).

На вертикальной шкале пространственной параметризации выделяется три уровня: 1) положительные формы рельефа; 2) нейтральные формы рельефа; 3) отрицательные формы рельефа. Семантическое поле *верх – низ* содержит характеристики пространства по вертикали, оно двухполюсно. Смысловыми, абсолютными полюсами являются апеллятивы *гора – яма*. Ядерную группу поля *верх – низ* составляют названия с апеллятивами: *яр* (10), *гора* (7) – *елань* (6), *луг* (4). Остальные по мере убывания располагаются на периферии. Положительные, нейтральные и отрицательные формы соотносятся в количественном отношении, как 29 : 18 : 5. Соотношение *верх – низ* представлено в количественном выражении как 29 : 23. При этом низ представлен в основном нейтральными, равнинными формами. Среди названий, обозначающих *верх*, доминируют названия от основы *яр*. Это говорит о том, что речные берега, высокие и обрывистые, были наиболее пригодны для поселения, защищая от разливов реки.

Наименования населенных пунктов с апеллятивами *верх – низ* отражают: 1) характер ландшафтного рельефа, 2) отношение к наиболее ярким объектам рельефа при выборе ориентира для номинации населенного пункта. Доминирующий характер положительных форм рельефа в реальной действительности отнюдь не свидетельствует о гористости местности. Если учесть, что места заселения, пригодные для земледелия, имеют скорее умеренно холмистый ландшафт, то можно предположить, что: 1) в ойконимии Приенисейской Сибири выбор места для поселения довольно часто падал на возвышенности, 2) положительные формы рельефа оказывались преобладающими в выборе именования населенных пунктов по причине более яркой выраженности. Позиция номинатора характеризуется как внешняя по отношению к номинируемому объекту, выбор ориентира на ландшафте предполагает взгляд со стороны, оценку рельефа.

*Способы и средства выражения категории пространства в ойконимии и микротопонимии.* В ойконимии Приенисейской Сибири до XVII в. наиболее популярна была номинативная модель отгидронимического именования поселений. Семантика этой модели – выражение пространственных отношений, а именно фиксация места нахождения поселения на берегу реки, речки или ручья. При этом гидроним является мотивирующей основой для ойконима. Установки: «привязка» к известному окружающим, обозначенному естественно-природному объекту-ориентир с целью «вписаться» в ландшафт.

Доминирование оттопонимической модели номинации в структурировании пространства объясняется исторически: основными путями проникновения и продвижения первопроходцев по Приенисейской Сибири были именно реки. На карте современной Приенисейской Сибири сохранились названия: г. Енисейск (бывший Енисейский острог на р. Енисей, 1619 г.), г. Туруханск (бывшее Туруханское зимовье на р. Турухан, XVII в.), г. Канск (бывший Канский острог на р. Кан, 1636 г.), г. Абакан (бывший Абаканский острог на р. Абакан, 1675 г.) и другие.

Соотношение места и пространства в анализируемых топонимах характеризуется выбором объектов-ориентиров. На начальной стадии освоения пространства Приенисейской Сибири в качестве ориентиров выбираются естественно-природные объекты, среди них доминируют реки, речки, ручьи: актуальна оттопонимическая модель.

В пределах оттопонимической доминативной модели ойконимов для выражения пространственных отношений актуализируются следующие способы: перенос наименования, суффиксальный (адъективная модель с суффиксом относительности -ск, сложение с суффиксом относительности -ск); приставочно-суффиксальный с мотивирующей основой-географическим термином; соположение (с первой основой усть-); словосочетание.

Способы и средства выражения категории пространства, действующие в группе ойконимов, актуальны и для микротопонимов. Кроме того, в группе последних весьма продуктивен способ образования предложных сочетаний с пространственными предлогами, неизменяемыми (на, при, от) и производными (близ, вблизи, около, выше, ниже, противу). Микротопонимы отличаются большим разнообразием способов и средств выражения пространства. Проблема рассматривалась на материале названий участков, распределяемых во временное пользование в XIX в. В данной группе велик процент топонимов-ориентиров, смысл которых – помогать человеку ориентироваться на местности, узнавать местоположение и характер отношения между объектами в пространстве. Микротопонимы появляются в результате детализации осваиваемого пространства.

Предложные сочетания, в которых употреблены пространственные предлоги, определяющие характер соотношения объектов. Многие из названий содержат конкретизаторы в виде географических терминов, иногда границы участка обозначены отношением к двум и более объектам. Предлог по, обозначающий расположение участка вдоль русла реки, ручья или части русла (форма вытянутая, определяется конфигурацией русла реки, речки): По речке Виске; По речке Тину; По правой вершине Лендаяхи; По вершинам речки Тин при Среднем Кыргыштыку; По ключу, впадающему в р. Енашимо; По пойме р. Кемеро и др. Предлог при, обозначающий близкое расположение по отношению к объекту-ориенту. При этом форма и другие границы участка не определены, поэтому сочетания включают дополнительные уточнители, выражают отношение к более чем одному объекту: При речке Бурахте; При речке Лендаге (Лендахе) выше речки Херика; При ключе, вливающимся в речку Лендагу с левой стороны; При речке Лендахе и при Верхней Вершине; При Зимовье речки Вегуды; При левой вершине Лендаяхи; При правой вершине Лендаяхи.

Ядерную группу средств выражения пространства в топонимии Приенисейской Сибири составляют лексико-семантические средства (перенос наименования); к периферийной относятся грамматические: а) синтетические (суффиксальный, приставочно-суффиксальный, сложение), б) аналитические (предлоги, словосочетания).

В выводах к 3 главе отмечается, что в топонимии Приенисейской Сибири выражены следующие черты архаичной модели пространства: концентричность, познаваемость, «обжитость». «Обжитость» пространства ярко выражена в наличии двух окружающих деревенского пространства, соответствующих оппозиции дальний – ближний. В сознании жителей близко осознается в пределах 3-4 км, далеко – 5 км и более. Разворачивание пространства идет из точки, центра. Ближний круг пространства наполнен большим

количеством познанных и обозначенных объектов, нежели дальний. В ближнем круге больше рукотворных хозяйственных объектов, в дальнем – больше природных объектов. Центр сакрального пространства в архаичной модели отмечается алтарем, храмом, крестом и т.п. объектами эксплицированного символического пространства. В модели деревенского пространства Приенисейской Сибири центр противопоставлен краю, границе, однако сакральные ценности центра замещаются общинными (Сборня) и идеологическими, т.е. тоже своеобразно сакрализованными (Ленина, ул.) соответственно общественным доминантам.

Среди моделей выражения пространственных значений преобладают семантические и семиотические, не указывающие на место или расстояние, а знаменующие их через указание на виды хозяйственной деятельности (ближние: Мочилище, Конопличкое), либо на домашних и диких животных. Наиболее ярко в топонимии выражено направление *север – юг*, слабее предстает *восток* и единично – *запад*. Обозначение ориентации по направлениям *север – юг, запад – восток* в топонимии Приенисейской Сибири тесно связано с семантическим полем *климат* и менее тесно – с полем *время* (года).

В семантике и семиотике деревенского пространства, выраженной в народной топонимии Приенисейской Сибири, отчетливо высвечивается движение двух разнонаправленных сил: центробежной и центростремительной. Центробежный вектор направлен за пределы деревни для освоения околосельского пространства с хозяйственной целью, причем по мере удаления связь с центром ослабевает. В дальнем круге деревенского пространства к ядерным способам обозначения дальности относится топоним *дальний*. К периферийным способам относятся семантические и семиотические модели, например, выражение близости к деревне через отношение к ней (Березовский бор, сосновый бор рядом с п. Березовка; Есаульский остров, рядом с д. Есауловка и др.) Ближние к деревне объекты осознаются как *свои*, дальние – как *чужие*, таким образом, оппозиция *свой – чужой* включается в поле пространственных значений.

Образ *Пространства* Приенисейской Сибири характеризуется наличием архаичного типа деревенского пространства в районах первичного заселения (XVII в.) и векторного (маршрутного) типа в районах более позднего заселения. Важнейшим пространствообразующим фактором территории является главная река – Енисей, расположение которой определяет погодные и климатические представления приенисеяца.

В **главе 4. Ментальный образ Реки** представлена модель обобщенного образа реки, сформировавшегося как конструкт в результате чувственно-эмпирического восприятия свойств главной реки Енисея и множества других рек Приенисейской Сибири, отраженного в коллективном сознании жителей и выраженного в гидронимии.

Структуру образа составляют признаки, определяющие семантику лексемы *река*. Структура образа обусловлена: 1) способами чувственно-эмпирического восприятия объекта человеком: а) визуальным восприятием, б) слуховым, в) тактильным; 2) мыслимыми представлениями о денотативных признаках объекта; 3) опытом практического использования объекта как продукта: а) необходимого для жизнедеятельности, б) промыслового использования, в) хозяйственного использования, г) использования как путей сообщения.

Понятийное содержание слова *река* выражено в словарных дефинициях, так как «Язык, на котором фиксируется картина человека, – это в той или иной мере язык толкований; он считается наиболее ясным и формализованным языком современной семантики» (Апресян 1995). Река – водный поток значительных размеров, текущий в русле и питающийся в основном атмосферными осадками (дождями, талыми снеговыми и ледниковыми водами). Река сама формирует своё русло, по которому течёт, этим она отличается от искусственных водотоков (например, больших каналов) (Мурзаев, 1984). Река – масса воды, постоянно текущей в естественных условиях по определённой руслу в определённом направлении. Корень в этом значении есть в славянских языках. Родственные слова на русской почве: реять, рой, ринуться. И.-е. аза \*(e)rei-: \*reiž-: \*rē-, корень \*er-: \*or-: \*r- – приходить в

движение, устремляться. Ср.: лат. *rivus* (< \* *reiuos*) – ручей, поток, течение (Черных, 1993). В словарных дефинициях содержатся следующие концептуально значимые характеристики объекта: водный поток (масса воды, полноводность / неполноводность); свойства воды (цвет, вкус, температура); течение (направление, скорость, звучание); русло (размеры, форма, дно, почва); питание (т.е. наличие притоков); место промыслов и хозяйственной деятельности; пути сообщения; возможный источник опасности.

Природные свойства различных рек отражены в их названиях, поэтому гидронимия может служить источником информации об образе реки в топонимической картине мира (ТКМ). Воспривятая человеком реальность реки, выраженная в ТКМ, представлена несколькими идеографическими и семантическими полями.

*Идеографическое поле Вода* включает семантические поля: *визуальное восприятие, звук, вкус, температура*.

*Визуальное восприятие: прозрачность / непрозрачность* (с точки зрения употребления – пригодность / непригодность). Прозрачная, р. (Кураг.); Светлый, руч. (Ман.), вода светлая; Светлая, р. (Суриха, кет. «светлая, белая»); Светлый ключ; Чистая, курья; Чистоплеть, р.; Чистый, руч. (Тас.)

*Светлая вода* – «немутная, ясная, чистая» (Даль), т.е. пропускающая свет, прозрачная. В эту же группу по свойствам могут быть отнесены *святые* названия, т.к. вода из ключей и ручьёв с таким названием использовалась для освящения и должна была быть исключительно чистой: Святой ключ, вл. в оз. Инголь (Ш.). *Белые* реки также приближались по свойствам к чистым и светлым. По качеству воды *светлые и белые* реки являются маркированными в положительном смысле и выделяют речные объекты с исключительно высоким качеством воды. Противопоставлены названным по качеству воды: Гнилушка, Грязнушка, Говнюшка, Мутная, Поганка – несут воду, непригодную для питья: Гнилушка, р., пр. р. Айдат (Богот.); Гнилушка Первая, р. (Богот.). *Гнить* – «фазрушаться, разлагаться в результате деятельности микроорганизмов». Др.-р. (с XI в.) и ст.-сл. гнити. Гниль, гниль, гнилость (Срезневский I; 524). О.-с. \*gniti. И.-е. база \*ghnei-, от корня \*ghen- – «фастирать», «фазгрызять». Старшее значение – «быть растертым» «фраспасты на мельчайшие части» (Черных, 1993). В русской гидронимии отмечаются термины *гнилуша, гнилуха* – «заболоченное верховье речки со стоячей водой, издающей временами неприятный запах» (центральноречные обл.); укр. *гнилуха* – «болотистая речка». Проявляется семантическая связь с полями *климат* и *пространство*: *гнилой угол, или кут*, – «юго-запад» в некоторых местностях центральночерноземных областей и на Волге из-за западных ветров, сопровождавшихся частыми дождями в теплое время года; сторона, откуда идут дожди. В низовьях Колымы это восточный ветер, восток, в Алтайском крае – запад (Мурзаев, 1984). Мутная, р., пр. р. Вороговки (Тур.) – с непрозрачной водой, частичками ила. Поганка, р., пр. Еловки – речка с нечистой, непригодной в пищу водой; Поганый, руч. (Тас.). Отмечаем семантическую связь с полем *человек* в рамках семантической оппозиции *свой – чужой*: поганый – «не употребляемый в пищу вследствие ядовитости, нечистоты»; «предназначенный для нечистот»; устар. «нечистый с религиозной точки зрения». Др.-р. и ст.-сл. поганый, поганинь – «язычник», «неправославный», «чужеземный». Заимствование ранней поры – периода христианизации славян из латинского языка. Ср. лат. *rāgānus* – «деревенский», «сельский» (от *rāgus* – «деревня», «село», «сельская община»). Значение «языческий» возникло ещё на латинской почве: в период до IV в. язычество у христиан называлось *religio pagana*, т.е. «вера деревенская, мужичья», потому что христианство в Риме сначала было религией главным образом городского населения. На славянской почве *поганый* получило ещё значение «нечистый», «мерзкий» (Черных, II 1993). Таким образом, непригодность воды в *гнилых, мутных, грязных и поганых* речках фиксируется в языке в значениях «нечистая, мутная» от содержащихся в воде частиц гниения, ила, почвы, нечистот, ядовитых веществ, имеющая из-за этого неприятный вкус и запах. Это речки, либо вытекающие из болота и имеющие

неприятный запах и вкус, либо речки, используемые для сброса отходов. Часто такими же свойствами обладают *чёрные* речки. Пейоративная окраска номинации речного объекта отражает отношение и оценку человека, служит предупреждением для членов коллектива о невозможности использования воды для питья.

Пренебрежительность, отрицательная коннотация отмечена также в структуре названий суффиксом -ушк- (-юшк-).

По цвету воды: Белые, Чёрные; Голубая, Лазоревая; Красные, Рудяные, Чермянки; Каренький. Визуально воспринятый номинаторами мотивирующий денотативный признак по цвету воды важный, но не единственный. В бассейне больших и средних рек название Белая носит один из самых больших притоков, либо два важных притока получают названия Белая и Черная. В наших материалах это Белый Июс и Черный Июс, которые при слиянии образуют Чулым (старое название – Июс). *Черная* вода – незамерзающая мутная вода, лежащая на поверхности скованной льдом реки; полынья (Волга, Сибирь). Открытая водная поверхность зимой: наледная вода, незамерзающий поток реки, полынья. Черная речка – текущая по болоту, из болота; глухая стоячая река; старица, сообщающаяся с рекой во время высокого уровня; открытая незамерзающая речка в Сибири; родниковая вода, ручей; речка, начинающаяся из источников. Гидронимов с таким названием великое множество (Мурзаев, 1984). Для Сибири из отмеченных Э.М. Мурзаевым свойств *черных* речек наиболее вероятным является не замерзающая зимой вода. Поскольку в северных районах Приенисейской Сибири зима длится 7–8 месяцев, то признак открытой воды оказывается существенным. К тому же он должен быть не обязательно постоянным, он может просто выделять реку, даже если незамерзающая вода держится не весь зимний период, а просто дольше, чем на других реках. Предположение может быть верифицировано ссылкой на представления жителей Северного Приангарья: *черная* тропа – бесснежный период (СРиО). Здесь также отмечается семантическая связь с полями *климат* и *время*.

Наличие в гидронимии Приенисейской Сибири цветообозначений свидетельствует, прежде всего, о значении визуального восприятия географических объектов. Топонимисты в своих исследованиях неоднократно пытались ответить на вопрос о связи цвета и пространства в географических названиях. Однако установить системные связи цвета и пространства по данным современной топонимии не удалось. Существует, вероятно, глубинная (бессознательная) связь в сознании человека цвета и пространства, об «остаточном» и «многослойном» характере которой пишет О.Н. Трубачев.

Звуковое восприятие. Текущая вода может издавать звуки, особенно если водный поток сталкивается с препятствиями, поэтому в основе ряда гидронимов лежат звуковые глаголы, образованные, в свою очередь, из звукоподражаний: *брякать* – Брякич, р., п. пр. р. Усолки. Образуется слиянием ручьев Брякич Первый, Брякич Второй, Брякич Третий (Тас.); *гремять* – Гремячий, руч. (Ем.); Гремячка, р., пр. Чульма (Богот.); Гремячка Грива, сопка (второе назв. – Николаевская) от г. Красноярска к Собакиной речке (трава грелячка); Погромная, р. (Б.-М.); Погромная, р. (Даур.); Погромная, р., уч. земли (Устюг Ем.); *шуметь* – Шумиха, р., пр. Ен.; Шумиха, р., пр. Усолки в центре с. Тасеево; Шумиха, руч., пр. Усолки бл. ур. Нижнее (Тас.); Шумиха, руч., п. пр. Ен. Существует семантическая связь звуковых обозначений с полями *климат* (гром, шумная погода), *человек* (брякотуха, грелячка неделя, шумила, шумиголова).

По вкусу. В норме вода – безвкусная жидкость, отступлением от нормы является солёная вода. У В.И. Даля находим примеры: солёно-горькая речка; вода солонит, на вкус немного солоня (Даль). Солонватый вкус вода приобретает из-за примесей солей. Солёная, р., пр. Ен., слив. с р. Большая Хета в устье Ен.; Усолка, р., пр. р. Тасеевой (Дз.) – у соли (на берегу реки стоит Троицкий солеваренный завод). (В топонимии Приенисейской Сибири отмечается целый ряд Солёных озер и Солонцов). Номинации от корня сол- несут значение «имеющий вкус» и отмечают реки, несущие воду с привкусом.

Температурные характеристики: по признаку тёплый / холодный: Тёплая, р.; Тёплый, руч. (Ем.); Тёплый Ключ, п. (Абан.); Тёплый Ключ, родник бл. д. Александровка (Б.-У.); Холодная, р., пр. р. Черчет (Абан.); Холодный Исток, руч. (Ем.) – *очень холодная вода, бьёт много ключей*; Холодный Ключик (Бал.). Имплитный способ выражения значения «холодный»: Собачья курья, залив на р. Каче (Ем.) – *бьют очень холодные родники, собачий холод*. По признаку замерзающие / незамерзающие: Талая, р. (Абан.); Талая, р., д. (Ем.); Талица, таёжный руч. (Тас.); Таловая, р., д. (Бал.); Таловик, о-в на Ен. (Тур.); Таловка, р., л. пр. Ен.; Таловка, п. (Б.-М.); Таловый, руч. в Таловом логу (Б.-М.); Таловый, о-в в нижнем теч. Ен.; Таловый Лог, поле (Б.-М.). В наших материалах *талые* и *таловые* названия соотносятся как 3 : 7. *Талые* реки существуют постоянно, и в названии отражено их денотативное свойство «незамерзающие», т.е. *теплые*. Это же свойство реки может быть осознаваемо как цвет воды зимой и выражено в названиях *черных* речек. *Таловые* ручьи и речки – сезонное явление, они образованы тальми водами. Отмечается большое количество *талых* ручьев и речек на территории России (Мурзаев, 1984; Воробьева; Фролов, 1996; Чернораева, 2002).

Идеографическое поле Водный поток. Разновидности водных потоков представлены следующим набором апеллятивов: *река, речка, виска, курья, полой, протока, шар, ручей, ключ, родник*, использованных в качестве номинативной базы в потамонимях и отгидронимических топонимах: Речка, п. (Уяр.); Междуреченское, ур. на л. бер. Ен.; Большеречка, д. (несущ.) (Коз.); Большие Ключи, д. (Рыб.); Большой Полой, р., пр. Ен.; Виска, р., л. пр. Ен.; Ключ, руч. (с. Устюг Ем.); Ключик, кл. (Тас.); Ключи, д. (Уж.); Ключи, д. (Бал.); Ошаровка, р. (Бал.) (шар – проток, рукав реки); Большой Шар, р., л. пр. Ен.; Малый Шар, р., л. пр. Ен. выше Большого Шара; Маточкин Шар, пролив между двумя о-вами Новой Земли; Петуховский Шар, прол. в Карских воротах; Междушарский, о-в на Новой Земле; Полой, с. на бер. Ен. (полой – низменный берег, протока); Полойская гора, бл. с. Полой; Полойский о-в, бл. с. Полой; Протока, прот. Ен. (Бал.); Родник, родник (Сух.); Ручейки, п. (Ман.); Сальная курья, р., п. пр. Ен. (Тур.) (сало – начальная стадия замерзания воды).

В зависимости от размеров, массы воды и способа вытекания водные потоки подразделяются на реки, речки, ручьи, родники. Они обладают свойствами иметь массу водного потока и постоянное русло. Реки пополняют свой водный поток, принимая притоки. Основное русло имеет также ответвления, обусловленные рельефом местности, видом почв и сезоном. Разновидности водных потоков неосновного русла: Виска, р., л. пр. Ен. *Виска* – речка между озёрами, проток; речка, берущая начало в озере или болоте, сток из него, естественная канава, ручей. Из языка коми *вис* – «проток между озёрами». Распространено на Севере и в Сибири; Сальная курья, р., п. пр. Ен. (Тур.); Курейка, р., п. пр. Ен. *Курья* – речной залив, заводь, узкий проток реки, текущий параллельно с нею; часть реки, временно прекращающая от летней жары течение и обращающаяся в озеро, окружённое со всех сторон отмелями; цепочка мелких озёр в старице; небольшая речка, не имеющая названия. Неясное заимствование (Мурзаев, 1984); Полой, р., пр. Ен.; Полой, с. на бер. Ен.; Полойская гора, бл. с. Полой; Полойский о-в, бл. с. Полой. *Полой* – пойма, низменный берег, заливной луг; весенний разлив; впадина; Протока, прот. Ен. (Бал.). *Протока* – речка, соединяющая два озера, два бассейна; рукав реки, дельтовое ответвление; старица, но и новое русло, свежая промоина. От *ток, течь* (Мурзаев, 1984). В говорах Приенисейской Сибири *протока* – рукав реки. – Если проход есть – это *протока*. В курье вода не проточна (СРиО). В протоке возможно движение водного потока в сторону от основного русла. *Шар* – разновидность неосновного русла, морской проток: Ошаровка, р., пр. Ен.; Ошаровская, д. (Бал.); Большой Шар, р., л. пр. Ен.; Малый Шар, р., л. пр. Ен. выше Б. Шара; Маточкин Шар, пролив между двумя о-вами Новой Земли; Петуховский Шар, прол. в Карских воротах; Междушарский, о-в на Новой Земле.

В названиях со значением неосновного русла зафиксированы существующие в сознании номинаторов при восприятии данных гидрографических объектов свойства, связанные: 1) с

местом истока реки (виска); 2) расположением русла относительно русла основной реки (курья, протока, шар); 3) состоянием русла в зависимости от сезона (полой). Номинативные интенции обусловлены выделением в названиях признака по размеру, по месту (относительно других географических объектов), с отражением сезонных и климатических условий.

Особенности водного потока по глубине: Глубокий, руч., пр. П.Т. (Тур.); Глубокий, кл. (Ем.); по полноводности: Сухая, р., л. пр. Ен. (Каз.); Сухая, р., пр. р. Ворогова (Тур.); Сухая, р., пр. р. Берёзовка (Бер.); Сухая, р., п. пр. р. Кача; Сухая, р. (Уж.); Сухая, р. (Ем.); Сухая Балка, р., пр. р. Бахта (Тур.); Сухая Лебязья, р., пр. р. П.Т. (Тур.); Сухая Тунгуска, р., пр. Ен. (Тур.); Сухой Бузим, р., л. пр. Ен. (Сух.); Сухой Ной, р. (Уяр.); Сухой, руч. (Абан.); Сухой, руч., пр. р. Кача; Сухой; Елогуй, р., пр. Ен. (Тур.); Сухой Шар, прот. Ен. Каплинский руч., пр. пр. Ен. – В названии отражен признак скудости водного потока, каплями. В названиях рек Приенисейской Сибири наблюдается оппозиция сухой / мокрый. Сухих рекм противопоставлены мокрые: Мокрая Темра, р.; Мокрый Калат, р.; Мокрый Береш, р. (Ш.); Мокрый, руч. (Кеж.) Народный географический термин мокрый свидетельствует о том, что река, ручей никогда не пересыхают, имеют хорошую родниковую подпитку и широкий разлив во время весенних паводков. Сухих рек на территории Приенисейской Сибири гораздо больше, чем мокрых. Для человека признак реки сухой является значимым на фоне большинства рек, не имеющих свойства пересыхать до невозможности использовать реку для плавания на лодке, судне.

По скорости течения: Быстрая, р., д. (Мин.); Быстрая, р., пр. р. Топол (Дз.); Быстровка, р., д. (Абан.); Быстрый, руч., Барзаначка, р., басс. р. Мана (Ман.) Борзиться – стар. «спешить, торопиться, поспешать»; борзый, борзостный «скорый, проворный, прыткий, быстрый, бойкий, рьяный»; брзина – «поток», «течение», «быстрина» (Срезневский, 1893). Сохранилось в топонимии западных и южных славян: р. Брзина в Болгарии, р. Брзина в Чехословакии, Борзна и Борзинка на Украине, Борзенка в России и т.д. (Мурзаев, 1984).

В характеристике скорости течения водного потока выстраивается ряд: быстрый – борзый – чистый, который сводится к смыслу «хорошая вода». Очевидно пересечение в сознании таких понятий, как *скорость* и *качество* воды.

По характеру течения: спокойное / неспокойное, ровное / неровное.

Тихая (Кача), место на р. Каче бл. д. Дрокино (Ем.). Место с тихим течением (Ср.: Тихий Дон). В характеристике реки звуковое противопоставление тихий / громкий переосмысливается в тихий / быстрый, т.е. тихий в значении «плавный», «небурный». Медленное плавное течение Тихой Качи местные жители характеризуют так: *Вода здесь стоит, как в заводи*. В сознании человека быстрое / тихое течение реки обязательно отмечается, т.к. имеет практическое значение. Граница между быстрым и тихим течением называется розводь: *Смотришь, где розводь, и сеть туда ставишь. Там с одной стороны быстерь, а тут тихо, вот у самой быстери и ставишь* (Кеж.). Тихий – «имеющий небольшую силу звучности», «негромкий», «не производящий шума», «бесшумный», «бездвучный», «молчаливый», «спокойный», «мирный», «медленный».

Гладкая Кача, р., пр. р. Кача (Ем.). *Она хоть и называется гладкой, но падение воды в ней достаточно крутое. Река узкая. О Гладкой Каче можно сказать русской поговоркой: не зная броду, не лезь в воду* (ЕЗ). Достаточно ровное дно, сильный напор водного потока и глубина создают впечатление гладкой водной поверхности. Таким образом, при параметризация скорости течения недостаточно внешних впечатлений от вида поверхности, учитывается ещё и градус уклона ложа реки. Покатейчик (Покателя), р. (Абан.), от *покать* – «пологий склон». Среди топонимов России отмечается: нагорье Мамская Покать в Восточной Сибири, в Беларуси – река и н.п. Покать (несколько), Покатка (Жучкевич, 1974). Скакунок, р. (Абан.); Скакальная, р., д. (Тас.). *Скакать* – «прыгать», «прядать», «сигать». *Скакальные* – речки с неровным течением, что затрудняет плавание по ним. Точильная, р., пр. протоки Ен. (Даур.); Точильный, руч. (Ирб.). Так обозначены несильно и небыстро, спокойно текущие небольшие речки, ручьи. Возможно

соединение трех свойств: 1) спокойно течет; 2) точит камни; 3) дно – песчаник, «точильный камень» (в Богучанском районе есть гора Точильная, из которой брали точильный камень). *Точить* – в значении глагола *течь* – «литься, струиться в том или ином направлении (о воде, жидкости)» (рус. *ток, поток*). В этимологическом отношении связано с о.-с. \*točiti – «цедить», «лить», «источать», откуда русское *источник*.

В именовании рек по особенностям течения водного потока выделяются следующие параметры: скорость (*быстрая*), уклон ложа реки (*крутая*), особенности ложа и дна реки, определяющие поверхность водного потока (*тихая, гладкая, скакунок, скакальная, порожная, ямная*). К ядерным обозначениям особенностей течения водного потока относятся выраженные в топонимии свойства *быстрый / тихий*. Отмечается семантическая связь поля *реки* с полями *климат* (*тишень, тишина, затиша; ветер тихнет*) и *человек* (*боль тихнет*).

*Идеографическое поле Русло*. К параметрам русла реки относятся топосемы: *исток, вершина, верх, устье, низ, нижнее течение, верхнее течение, среднее течение, левый берег, правый берег*. Сознание человека вычленяет названные отрезки как важные для ориентировки в речной долине. Топосемы реализованы в следующих топосемемах: Исток, п. (Рыб.); Источная, р. (Абан.). *Верх, вершина* – место истока, начало реки. В речном значении термин вторичен. Первичное его значение «высота». В ряде областей России и Украины он употребляется в значении «овраг», «низ» (Мурзаев). Понятия *верх* и *низ* в течении реки связываются с истоком и впадением реки, *устьем*. *Верхними* называют притоки, которые вливаются в главную реку в её верхнем течении. Следовательно, название р. Источная можно поставить в ряд с *верхними*. Названия с *верхний, верхне-* могут иметь не только гидронимы, но и топонимы, образованные от названий *верхних* рек или расположенных в верховьях. *Нижнее* течение – топосема *низ*, место впадения – топосема *устье*. Таким образом, в языке четко выражено направление течения реки *сверху вниз*, что соответствует свойству воды перетекать вниз, заполнять углубления и принимать их форму. В названии реки Покатейчик (Покатей) обозначено это свойство: *Покать* – «склон». *Нижними* также называют притоки, впадающие в основную реку в её нижнем течении. Гораздо реже, но все-таки встречаются названия притоков, впадающих в главную реку в среднем течении. Главная река Восточной Сибири Енисей подразделяется на Верхний Енисей, Средний Енисей, Нижний Енисей. Подразделение реки на три части обусловило наличие в топонимии бинарных (*верхний / нижний*) и трёхчленных (*верхний / средний / нижний*) оппозиций.

В Приенисейской Сибири весьма распространена ориентация по рекам. Для человека река является важнейшим объектом природы и пространства. На Ангаре *верхова* – «верховья» Ангары. – *Вот что вниз по Ангаре – то низова, а вверх – верхова* (Богуч.). *Верховской* – «проживающий на территории, расположенной в верховьях реки». – *Сама-то я родом верховская, из Мозговой* (Кежем.) (СС). Множество топонимов и гидронимов, обозначающих пространственное расположение относительно русла реки: Нижний, Верхний, Устье. Например: Верхняя Берёзовка – Средняя Берёзовка – Усть Берёзовка, дд. на р. Берёзовка (Наз.); Нижняя Виска, р. – Верхняя Виска, р. – Виска, р.

Роль реки в формировании климата отмечена в горах Приенисейской Сибири. На Енисее: *верховка* – «сильный ветер в ясный день, предвестник ненастья» (П.-Х., Шуш.). *Низовик, низовка* – «северный ветер». – *Ну, ветер холодный. Как низовик подует, вот и северный, говорят, ветер* (Шуш., Бал.) (СЮ). На Ангаре: *верхова, верховка* – «ветер с верховьев реки». – *Такой ветер пошел, низова – с низу, а с верху – верхова* (Богуч.); *Верховка дует – к дождю* (Кежем.); *Опять задула верховка. Снегу наметёт* (Турух.). *Низова, низовка* – «ветер, дующий против течения реки» – *Низова-то опаснее всего* (Мотыг.). *Зима лютая у нас, носу не высунешь, как низова подует* (Богуч.); *При низовом ветре волны крупнее и лодке плыть тяжелее и опаснее* (Мотыг.) (СС). Таким образом выражена семантическая связь поля *река* с полями *климат* и *пространство*.

Особенности русла реки. Меандр реки представлен тоposesами: *крутая, кривая(ой)*, которые выражены в следующих тоposesах: Крутая Кача, р., пр. р. Кача (Ем.), река с круглыми поворотами, извилистый меандром; Крутенький, руч., пр. Ен. Первоначальное значение балт.-слав. слов – «отвесный, извилистый» [Фасмер 1967 II: 387]. Есть семантическая связь с полем *рельеф*: крутая гора. В топонимии Приенисейской Сибири: 1) *крутень* – «вихревой ветер». – *Крутень* – это ветер, сильно понесет, потом крутанет и столбом подымет (П.-Х.); 2) *крутоворот* – «поворот дороги» (Ер.); 3) *крутик* – «крутая гора». – Круто место есть – крутик, яр крутой (Ш.); *Обрывистые отвесные берега крутик можно назвать* (Ш.); 4) *крутой* – «с высокими, непологими краями» (о посуде). – Ты разливисту купила селенку, а я крутую (Ш.) (СЮ). Оба значения отмечены в говорах Приенисейской Сибири, а также в топонимии и гидронимии, причем *крутой* в значении «отвесный» реализуется в оронимии (Крутая, д. (Ем.); Крутенький ложок, (Ем.); Крутинские, горы (Ем.); Крутой, лог (Уж.); Крутой, косогор (Наз.); Крутояр, д. (Уж.); Крутояр, с.; Крутуха, гора (Уж.); Крутые, горы (Наз.), так же, как и на других территориях России [Мурзаев 1984: 306]), в значении «извилистый» – в гидронимии (Крутая Кача, р., Крутенький, руч.). Проявляется семантическая связь с полем *климат* (*крутень*) и *пространство* (*крутик*). Топосема *кривун* – «излучина на реках Сибири». То же – *кривляк* (СЮ).

Таким образом, в названиях водных потоков не выражен признак *прямыны*; признак *кривизны*, отклонения от прямого направления выражен в гидронимии Приенисейской Сибири довольно последовательно, как и на других территориях.

В названиях по виду почвы реализуются тоposesы: *камень, песок, глина, опока*, реализованные в следующих тоposesах: Каменка, р. пр. р. Кача (Ем.); Каменный Дубчес, р., пр. р. Дубчес; Каменская, прот. Ен. (Тур.); Песчанка, р., л. пр. р. Кемь (Енис.); Песчанка, место купания (Ем.); Песчаный, о-в на Ен. ниже устья П.Т. 842 км; Пески, о-в на Ен. (Тур.); Пески, место купания в с. Казачинском; Глиняная, р., пр. р. Усолка. Белый, о-в на Ен. (белая глинистая почва). То же ряда названия: Белоглиняная, д. (Абан.); Белоярское, с. (Бал.); Белый Яр, д. (Кураг.); Красный Яр, крутой обрыв берега р. Усолка (красная глина) (Тас.); Опока, ур. на бер. р. Усолка (Тас.). Опока – «светлая глина», «мергелистая горная порода», «пористая порода с содержанием кремнезема и песка».

*Глина* и её разновидность *опока* имели важное хозяйственное значение, месторождение глины всегда отмечалось человеком, привлекал внимание и *цвет* (белый, красный) как мотив номинации.

Идеографическое поле *Хозяйственное использование: по наличию искусственно созданных хозяйственных объектов:* Мостовая, р.; Плотинá, пруд (Богот.); Александровский Шлоз, п. (Ен.); Перевоз, д. (Бир.) В основе названий – рукотворные хозяйственные объекты, которые могут располагаться только на реке: *мост, плотина, запруда, шлюз, мельница*. Среди них наибольший процент составляют названия, образованные от названий мельниц, имен их владельцев или просто относительно мельницы, стоявшей когда-то на этом месте; по способам рыбного промысла: Бойничная, р., басс. Ен. ниже у. Ангары; Бой, *боёвка* (устар.) – «осенний лов красной рыбы на ямах, где она собирается на зимовку» (Кеж., Богуч., Мот.) (СРиО); Ботовая, р., п. пр. Ен. *Ботать* – «вспугивать рыбу, загонять её в расставленные сети»; *ботало* – «рыболовное приспособление – шест с конусообразным полым наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют её в сеть» (Мот., Богуч.) (СРиО); Удильная, р., пр. р. Сумарочиха (Тур.); Удинный, руч., л. пр. Ен. *Удить* – ловить рыбу удочкой. – *На удочке добывашь: само удилице, жилка, крючок, тягало – вот и вся удочка. Весной в острова ездят на удочки удят* (Мотыг.); Малая Ямная, р. (Абан.); Ямный, руч. (Абан.). *Яма* – «вырытое или образовавшееся в земле углубление». Свойство *ямных* рек отмечено номинаторами не само по себе, как признак денотата, а в связи с рыбным промыслом. Отмеченные в названиях разновидности рыбных промыслов являются специфическими для территории Сибири (*ямные*) и территории Приенисейской Сибири (*бойничные, ботовые,*

удильные). По наличию / отсутствию промысловой рыбы противопоставлены рыбная / порожня: Рыбная, р., (пр. р. Кап, пр. р. Ангара, пр. р. Норильская, Бал., Тур.); Рыбное, с. на р. Рыбной (Рыб.); Рыбинское, с. на р. Рыбной; Рыбалка, место гуляний (Кураг.); Порожня, р. (Тур.). К рыбным рекам относятся многочисленные названия от наименований промысловых рыб: Большая Горбушина, р., пр. Ен.; Линковый, руч. (Тур.); Линево, д. (Ш.); Лиевский, кл. (Ш.); Муксун, р.; Налимовка, д.; Окунь, о-в на Енисей; Окуневый, руч. (Ш.); Осетровая, р. (Тур.); Сельдянская, коса на р.; Тайменья, р. (Кеж.); Щучья, р., у подножия горы Шмидта; Большая Сиговая, р. (Тур.). По наличию речных промысловых животных и птиц: Бобровка, р. (Тас.); Первая Бобровка, руч., пр. р. Бобровка (Тас.); Вторая Бобровка, руч., пр. р. Бобровка (Тас.); Третья Бобровка, руч., пр. р. Бобровка (Тас.); Четвертая Бобровка, руч., пр. р. Бобровка (Тас.); Пятая Бобровка, руч., пр. р. Бобровка (Тас.); Большая Лебяжья, р., пр. р. П.Т. (Тур.); Большая Селезневка, р., пр. Ен. Весь набор гидронимов и топонимов от названий рыб, речных птиц и животных лишь в малой доле отражает истинную картину многообразия речной фауны. По мнению Н.К. Фролова, «семантическим признаком называемого объекта становится признак, отражающий доминирующее положение в природной среде вида фауны и реже его единичность. Но в любом случае избирается денотат – реальное существо, играющее свою роль во взаимоотношениях человека с природой» (Фролов, 1996).

Лесосплав. В речных топонимах отразилась деятельность, связанная со сплавом леса. В номинациях отражена топонема *плот*, реализованная в топонемах: Плотбище, место на берегу реки, площадка, на которой вязали плоты для перегона леса; Плотбинка, р., пр. р. Усолка (Тас.), так названа речка, на берегу которой находилось плотбище.

Сельскохозяйственное использование берегов. В названиях рек отражена пригодность берегов реки для земледелия и скотоводства. В качестве мотивационных моделей послужили топонемы: *канава, овин, пашня, покос, молоть, кукла, пуня, толокно*, реализованные в топонемах: Канавная, р.; Овинная, р. (Ем.) – *овин* – строение для сушки хлеба в снопах топкою, обычно на 300 снопов. В том же значении – *пуня* (в смоленских говорах). Овиный хлеб молотили сухим, противоположное значение – *сыромолотный*, т.е. хлеб, молотый несущеным (Даль, 1955); Пахотный, руч. (Кеж.); Подсобная, р. (Тур.); Покосная, р. (Тур.); Сыромолотова, р. (Кеж.); Кукла, р. (Тас.); Пуня, р. (Кеж.); Толокно, руч. (Кеж.). *Толокно* – жареное зерно ячменя или пшеницы, употребляемое в пищу. В топонимии Русского Севера отмечается особая роль названий, связанных с обрядом окончания жатвы, как правило, на отдаленных участках. Это названия Саломат, Дёжень, образованные от названий блюд из толокна (Березович, 1998). В наших материалах нет прямых указаний на этот ритуал в связи с *толокном*, но в говорах Приенисейской Сибири отмечается обряд окончания жатвы под названием *овин-имениник*. – *Прошло жнитво, ура! Овин-имениник, отжалися!* (Кеж.).

Добыча полезных ископаемых. Топонемы *горб, золото, железо, уголь, разведка* реализованы в топонемах: Горбилок, р., пр. р. Большой Пит. Существует легенда о золотодобытчиках, которые шли в тайгу, неся за плечами инструмент и пищу, поэтому были похожи на горбатых. Однако ближе к истине значения, присущие говорам: 1) горбылёк – крайняя доска при распилке бревна; 2) горбунок – мель на реке; 3) горбовина – отлогий холм, выпуклость на земной поверхности (СС; СЮ). По структурному оформлению к названию *Горбилок* ближе всего апеллируют *горбылёк*. Возможна связь с распиловкой леса, однако не исключено терминологическое происхождение названия, возможно, рядом находилась возвышенность (горбовина, горб, горбылёк), возможно, была коса на реке (*горбунок*, как вариант – *горбылёк*). Золотая, р., л. пр. р. Усолка; Золотой, кл., пр. р. Бирюса (Тас.), добывали золото. Железный, руч., по берегам много отложений железных руд. Разведочный, руч. близ Норильска. Название закреплено в связи с разведкой Н.Н. Урванцева. Ручей находился рядом с расположением разведчиков. Угольный, руч. в ущелье Угольном (Тур.), где добывают уголь. В названиях этой группы преобладает

номинативная модель «полезные ископаемые» (Золотая, р., Золотой, кл., Железный, руч., Угольный, руч.).

Использование воды в пищу. Топосемы *вино*, *варить* реализованы в топонимах: Винная, р., пр. Ен.; Винный, руч., пр. Ен. Так называли реку или ручей, на берегу которых стоял винокуренный завод, использовавший воду для производства вина; Повар, руч., пр. Ен.; Поварный, руч. (Бог.), названия связаны с приготовлением пищи во время полевых работ: *поварня* – место, где готовили пищу и брали воду из ручья, повар – человек, занимающийся приготовлением пищи.

Пути передвижения. Топосема *волок* реализована в топонимах: Волоковая, р., л. пр. Ен.; Волочанка, р., п. пр. р. Таз и р. Турухан, соед. волоком (Тур.). *Волок* – «перешеек между озерами или реками, где удобно перетаскивать, «волочить» лодки или малые суда по суше», например, древний Волок через п-ов Ямал между верховьями рр. Мутной и Зеленой; Тазовский Волок между рр. Таз и Турухан; Авамо-Тагенарский волок, соединяющий Пясинский и Хатангский бассейны, и т.д. (Мурзаев, 1984). Номинативная модель: способ передвижения между водоёмами.

Идеографическое поле *Опасность*. Вода – опасная для человека среда. Опыт использования реки отражен в названиях порогов и перекатов. Топосемы *порог*, *дурной*, *проклятый*, *бурный* реализованы в топонимах: Порожная (Порожиха), р., пр. Ен. бл. с. Ворогово (Тур.), речка с порогами; Дурное, место на р. Ниж. Т., опасное для плавания.

В номинации порогов и перекатов отражены знания об объектах, важные для человека, сталкивающегося с этими препятствиями на реке. Это ступок опыта, переданный в названиях и выраженный в следующих номинативных моделях: 1) размер: Большой, порог в верх. течении Ен.; 2) оценка: Большой Проклятый, порог на Ен., Дурак; 3) интенсивность движения воды на месте порога: Бурный, порог на р. Тассева (прежнее назв. – Дурак); Буруха, место на р. Бузим; 4) время суток: Ночевальный, перекат на Ен. (ночью невозможно пройти это место); 5) место относительно других объектов: Бахтинский, перекат близ устья р. Бахта; Бурмакинские камни, перекат на Ен. бл. устья р. Бурмакиной; Косой, порог на р. Косая (Тас.).

В номинации объектов, представляющих опасность на реке, явно выражена отрицательная коннотация (река Порожистая, пороги Большой, Бурный, Косой), пейоративный оттенок (пороги Большой Проклятый, Дурак), предупреждающие об опасности.

Отражение исторических реалий. В названиях рек сохранилась память об исторических реалиях, связанных с военными и трагическими страницами истории народа, представленная топонимами: *караул*, *кандалы*, реализованными в названиях: Караульная, р., пр. Ен. Речек с таким названием на территории края несколько. Они обозначали в XVII–XVIII вв. границу освоенных территорий, для охраны которых от немирных племен выставлялся караул; Кандашная, р., по которой плыли на судах осуждённые – кандалники – к месту отбывания наказания.

Ситуативные названия с утраченным мотивационным признаком. Топосемы *сплох*, *гореть* реализованы в топонимах: Большая Сполошная, р., п. пр. Ен. (Каз.); Малая Сполошная, р., п. пр. Б. Сполошной (Каз.). Правая Большая Сполошная, Левая Большая Сполошная, сливаясь, образуют Большую Сполошную. В документах зафиксировано, что в XVII в. служилый человек Андрей Борода, получив землю во владение, выжигал на берегах лес для разработки пахотных земель. Зарево от пожара, сплохи, было видно далеко; Горелый, руч. (Тур.); Горелые, группа озёр в горелых лесах (Тур.). В названиях закреплены события, связанные со стихией огня, пожара, которые надолго сохраняются в памяти людей. Даже когда место уже не хранит следов стихийного бедствия, названия поддерживают память о случившемся.

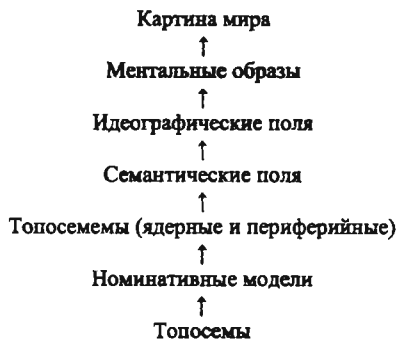
В выводах к 4 главе отмечено, что выделенные смысловые доминанты, выраженные в гидронимии Приенисейской Сибири, позволяют судить о структуре и содержании ментального образа реки, сложившегося в результате чувственно-эмпирического опыта

человека, и направленности волевого действия, связанного с практическим освоением реалии.

В заключении подведены итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей научной разработки заявленной проблемы.

Реконструкция картины мира, основанная на том, что сознание человека, воспринимая окружающий мир, фиксирует его в образах, соответствующих традиционной этнической культуре, окружающей природе, ландшафту, затем анализирует, обобщает и оформляет коллективное знание и опыт с помощью языка, осуществлена по данным топонимии Приенисейской Сибири.

Реконструкция картины мира приенисеца представляет собой воспроизведение структуры топонимического сознания, которая может быть представлена в виде схемы (таблицы, матрицы) на основе последовательности:



Реализованная в работе схема отражает объективно существующую связь: человек – язык – картина мира.

Структурирование ментальных образов на основе анализа топонимов в идеографических и семантических полях, использованное в работе, может служить универсальным способом извлечения информации из различных областей семантической структуры топонимов: денотативной, сигнификативной, коннотативной, ассоциативной, энциклопедической.

Состав ядерных зон семантических полей топонимии Приенисейской Сибири свидетельствует об общерусском характере ментальных представлений и стереотипов, лежащих в основе русской топонимической картины мира, семантические модели (топосемы) ядерных зон являют собой общерусские стереотипы восприятия и осмысления пространства и географических объектов. Периферийная зона семантических полей отражает специфические региональные черты топонимической картины мира.

В результате предпринятого анализа выявлены факторы, обусловившие проявление специфических региональных черт топонимической картины мира Приенисейской Сибири: 1) природные и климатические особенности (флора и фауна); 2) пространствообразующая роль главной *реки* – Енисея и природоизменяющая, хозяйственная и промысловая деятельность человека; 3) региональные особенности формирования деревенского *пространства* как способа обживания территории – преобладание черт архаического (концентрического) в районах старого заселения и векторного (центробежного) в районах более позднего заселения; относительность пространственных представлений *дальний* – *ближний* в зависимости от места и времени заселения; 4) специфические ментальные черты образа *человека*, отражающие основные перцептивные, духовные и аксиологические представления и понятия, связанные с освоением и использованием пространства вообще и региональных топообъектов, в частности, реализованы в топосемах семантических полей: *национальность, духовная жизнь, действия, опасность, оценочность, память, свой*

– *чужой*; 5) лакуарность, связанная с относительной «молодостью» топонимической системы, неустойчивостью в результате нескольких «волн» переселенцев, постоянного притока поселенцев из разных регионов страны, удаленностью от административных и культурных центров, суровыми условиями геополитического и социального планов.

Перспективы развития обозначенной в настоящем исследовании проблемы могут быть связаны с дальнейшей разработкой топонимической картины мира Приенисейской Сибири путём моделирования ментальных образов Леса, Поля, Пути, Флоры и т. д.

**Основное содержание работы отражено в публикациях:**

**Монография:**

Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: монография; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – 240 с.

**Статьи, опубликованные в реферируемых научных журналах:**

1. Концепт *вода* по данным гидронимии Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. № 6. – Красноярск: КГУ, 2005. – С. 120 – 124.

**Другие публикации по теме диссертации:**

2. Случай омонимизации местных географических терминов // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров. Материалы совещания. – Красноярск, 1991. С. 105 – 107.
3. Гидронимические термины бассейна Енисея // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. – М., 1991. – С. 233 – 234.
4. К истории топонима «Балахта» // Говоры Сибири в синхронном и диахронном аспектах. – Красноярск, 1992. С. 120 – 126.
5. Номинация в микротопонимической системе // Актуальные проблемы в вузе и школе: материалы 7-ой межвузовской конференции. – Тверь, 1993. С. 50 – 51.
6. Отапеллятивные модели в топонимической системе одного района / Слово в системных отношениях: сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1993. С. 27 – 28.
7. Уровень мотивированности топонимов иноязычного происхождения Канского района / Материалы по изучению деревень России. – Воронеж, 1994. С. 25 – 29.
8. Топонимия старой сибирской деревни // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске. Т.1. – Красноярск: КГПУ, 1997. С. 151 – 152.
9. Варьирование в номинации ойконимов // Языковая вариативность: Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск, 1998. С. 114 – 122. (В соавт.)
10. Вариантность в микротопонимии как результат мотивационных процессов // Сибирская локальноэтническая ситуация в конце XX века. Материалы вторых параславянских чтений. 15 декабря 1998г. – Красноярск, 1998. С. 41 – 43.
11. Трансформация ономастикона сибирской деревни // Проблемы региональной лингвистики: межвузовский тематический сборник. – Красноярск, 1998. С. 84 – 93.
12. Топонимия (словарная статья) // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 620 (в соавт.)
13. Рецензия на словарь: «Ю.Р.Кисловский. Почему так названы? Топонимический словарь. Топонимические очерки» // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1. – Красноярск: КГУ, 1999. С. 145 – 148.
14. Проект словаря «Топонимы и микротопонимы Красноярского края» // Русский язык в географической проекции: межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 88 – 98.
15. Словарь топонимов и микротопонимов Красноярского края. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – 175 с. (В соавт.)
16. Топонимы Красноярского края в семасиологическом аспекте // Ежегодник регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири. Вып. 1. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 148 – 152.

17. Меморативные топонимы Красноярского края в аспекте проблем номинации // *Язык и ментальность: Материалы 32 международной филологической конференции 11 – 15 марта 2003 г.* Вып. 18 – СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 15 – 20.
18. О культурно-исторической ценности топонимии Красноярского края // *Язык и культура: Материалы международной конференции.* – М., 2003. – С. 240.
19. Проблемы изучения региональной топонимии // *Проблемы региональной лингвистики: сборник научных трудов.* – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 185 – 206.
20. «Свое» - «чужое» в ойконимии Приенисейской Сибири // *Наукови записки Луганського національного педагогічного університету.* Вып. 5. Т.1. Серия «Филологічні науки»: Зб. Наук. праць Політнічеська середина: культура, політика, освіта. Материалы V юбилейного международного семинара. – Луганск: «Альма матер», 2004. С. 68 – 82.
21. Категория пространства в топонимии Окладной книги 1849 – 1855 гг. // XXXIII Международная филологическая конференция. Вып. 18 «Русский язык и ментальность». Ч.1. СПб., 2004. С.38 – 42.
22. Семантика и ментальность ойконимии Приенисейской Сибири XIX в. // *Международное образование: итоги и перспективы.* Т. 3. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2004. С. 67 – 84.
23. Способы и средства выражения категории пространства Приенисейской Сибири // *Мова и культура (Язык и культура).* Серия «Филологія». Том IX Актуальные проблемы современной филологической науки. – Киев: Издательский Дом Дм. Бураго, 2004. С. 161 – 169.
24. Цветовые названия рек в гидронимии Приенисейской Сибири // *Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики.* Вып. 4 : сборник научных статей. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П.Астафьева, 2005. С. 20 – 27.
25. Топонимическое поле «Человек» // *Известия УрГПУ. Лингвистика.* Выпуск 16 / Урал. гос. пед. университет; отв.ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. С. 123 – 131.
26. Образ пространства по данным топонимии // *Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность.* Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции 1 марта-1 декабря 2005г. В.1. – Красноярск, 2005. С. 20 – 32.
27. Об антропоцентрическом принципе картины мира // «Воспитание исторического и национального самосознания»: Мат. рег. н-п. конф. – Канск: РИО КГПУ Филналь КГПУ им. В.П. Астафьева в г.Красноярске. – Красноярск, 2005. С. 56 – 61.
28. Ментальный образ реки // XXXIV Международная филологическая конференция. Выпуск 6. Ч. 1. 14-13 марта 2005г. СПб: филологический факультет СПб-университета, 2005. С. 23 – 28.
29. Образная номинация в топонимии Приенисейской Сибири // *Славяно-русские духовные традиции в культурном сознании народов России.* Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры 24 мая 2005 г. Ч.1. / Под общей ред. академика АГН, АРЭ, РАЕН Н.К. Фролова. В 2 частях. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2005. С. 34 – 37.
30. Топонимия Приенисейской Сибири как средство трансляции ментальных представлений о пространстве // *Вестник АРЭ, № 1.- Челябинск, 2005.* – С. 21 – 29.
31. Параметры объекта в топонимической картине мира Приенисейской Сибири // *Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению.* Издатель: Центр переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. – 2006. № 3. Сетевой адрес: <http://evcprpk.ru>
32. Ориентация в пространстве: *далеко / близко* // *Этнокультурное пространство*

- региона и языкового сознания: Материалы научно-практической конференции 11 октября 2005 г. В 2 частях. Ч. 2. – Тюмень: ТюмГУ 2006. С. 15 – 23.
33. Религиозные и мифологические представления в топонимии Приенисейской Сибири // Материалы конференции Этнокультурное пространство региона и языковое сознание. – Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 38 – 42.
  34. Моделирование деревенского пространства по данным топонимии // XXXV Международная филологическая конференция. 16-18 марта 2006г. СПб: филологический факультет СПб-университета, 2006. С. 37 – 42.
  35. Ментальные образы как способ трансляции ментальных знаний // Языковое бытие человека и этноса: психологические и когнитивные аспекты. Вып. 10. – М. – Барнаул: АлтГУ. – 2006. – С. 47 – 58.

Подписано в печать 13.11.06.  
Тираж 100 экз. Заказ № 385. Формат 60х84/16.  
Усл. печ. л. 2,2. Бумага офсетная.  
Отпечатано ИШК КГПУ,  
660049, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89,  
тел.: 23-48-60





10—